

ПРАКТИКА МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОГОВОРНЫХ ОРГАНОВ

В силу пункта 10 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 октября 2003 г. N 5 "О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации" "толкование международного договора должно осуществляться в соответствии с Венской конвенцией о праве международных договоров от 23 мая 1969 г. (раздел 3; статьи 3 - 33). Согласно пункту "b" части 3 статьи 31 Венской конвенции при толковании международного договора наряду с его контекстом должна учитываться последующая практика применения договора, которая устанавливает соглашение участников относительно его толкования".

Практика международных (межгосударственных) органов, контролирующая исполнение государствами международно-правовых обязательств в сфере защиты прав и свобод человека, которые предусматриваются в международном договоре, устанавливает соглашение участников такого договора в отношении его применения.

В целях эффективной защиты прав и свобод человека судам необходимо при рассмотрении административных, гражданских дел, дел по разрешению экономических споров, уголовных и иных дел учитывать правовые позиции, сформулированные межгосударственными договорными органами.

В сфере административных правоотношений

Вопросы выдворения

Практика договорных органов ООН

Комитет по правам человека <1>

<1> Комитет по правам человека действует на основании Международного пакта о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г. (далее - Пакт) и Факультативного протокола к указанному Пакту. Российская Федерация является участником этих международных договоров и в качестве государства - продолжателя Союза ССР признает компетенцию Комитета получать и рассматривать сообщения лиц, находящихся под ее юрисдикцией, которые утверждают, что они являются жертвами нарушения положений Пакта.

Сообщение: А.Х.С. против Дании. Сообщение N 2473/2014. Решение принято Комитетом по правам человека (далее - Комитет) 28 марта 2017 г.

Тема сообщения: невыдворение (non-refoulement); произвольный арест и задержание.

Вопрос существа: пытки; произвольный арест и задержание.

Правовые позиции Комитета: пункт 12 [3]амечания общего порядка N 31 (2004) о характере общего юридического обязательства, налагаемого на государство - участник Пакта, в котором он ссылается на "обязательство государств не экстрадировать, не депортировать, не высылать и не выдворять каким-либо иным образом лицо со своей территории, когда имеются серьезные основания полагать, что существует реальная опасность причинения невозместимого вреда такого, как предусмотренный в статьях 6 и 7 Пакта". Комитет... указывает, что такая опасность должна существовать лично для человека и что при рассмотрении вопроса о весомости оснований для установления наличия реальной опасности причинения невозместимого вреда применяется высокий порог <2>. Комитет также ссылается на свою правовую практику, отмечая при этом необходимость должным образом учитывать оценку, проводимую государством-участником, и указывая, что рассмотрение или оценка фактов и доказательств для определения такой опасности, как правило, должны производиться органами государств - участников Пакта, если только не будет установлено, что такая оценка носила явно произвольный характер либо была равнозначна очевидной ошибке или отказу в правосудии <3> (пункт 7.5 Решения).

<2> См. сообщения N 2007/2010, X против Дании, Соображения от 26 марта 2014 г., пункт 9.2; N 692/1996, А.Р.Дж. против Австралии, Соображения от 28 июля 1997 г., пункт 6.6; и N 1833/2008, X против Швеции, Соображения от 1 ноября 2011 г., пункт 5.18.

<3> См. сообщение N 1957/2010, З.Х. против Австралии, Соображения от 21 марта 2013 г., пункт 9.3.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет отмечает, что Совет <4> тщательно изучил жалобу автора и проанализировал его личные и семейные обстоятельства. Он признал, что ни автор, ни его семья никогда не участвовали в какой-либо политической деятельности, что автор не привел убедительных причин конфликта с семьей своей жены, что его заявления по ряду ключевых моментов были противоречивы и

неконкретны и что он не представил внятного и логичного объяснения причин, по которым он якобы подвергался преследованиям со стороны ХАМАС. На основе личных собеседований с автором Совет пришел к выводу о том, что заявления автора о его конфликте с ХАМАС в период его работы в университете были недостоверны, что его утверждения о потенциальных нападениях со стороны членов семьи его жены не вызывают доверие и что автору не будет угрожать реальная и личная опасность преследований со стороны ХАМАС в случае его возвращения в Газу. Комитет также принимает к сведению утверждение государства-участника о том, что оно проанализировало общее положение в Газе на основе постоянно обновляемой справочной информации о стране и не нашло признаков того, что в случае его возвращения в нее автору будет угрожать какая-либо опасность. Автор не пояснил, по каким причинам решение Совета по своему характеру будет являться явно необоснованным или произвольным. Соответственно, Комитет приходит к выводу о том, что автор должным образом не обосновал свою жалобу, согласно которой его принудительная высылка будет равнозначна нарушению статьи 7 Пакта, и признает ее неприемлемой согласно статье 2 Факультативного протокола (пункт 7.6 Решения).

<4> Датский Апелляционный совет по делам беженцев (далее - Совет).

Выводы Комитета: считать сообщение неприемлемым согласно статье 2 Факультативного протокола (пункт 8 Решения).

Вопросы предоставления гражданства

Практика договорных органов ООН

Комитет по ликвидации расовой дискриминации <5>

<5> Комитет ООН по ликвидации расовой дискриминации (далее - Комитет) действует на основании Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации от 21 декабря 1965 г. Российская Федерация является участником Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации (далее - Конвенция), а также признает компетенцию Комитета на получение индивидуальных сообщений получать и рассматривать сообщения лиц, находящихся под ее юрисдикцией, которые утверждают, что они являются жертвами нарушения положений Конвенции.

Сообщение: Бьенон Пьетри против Швейцарии. Сообщение N 53/2013. Мнение принято Комитетом по ликвидации расовой дискриминации (далее - Комитет) 5 декабря 2016 г.

Тема сообщения: право на гражданство без дискриминации; эффективная защита и средство правовой защиты от любых актов расовой дискриминации; обязательство государства-участника принимать меры против расовой дискриминации.

Вопрос существа: дискриминация по признакам национального или этнического происхождения и инвалидности.

Правовые позиции Комитета: Комитет напоминает о том, что в его компетенцию не входит оценка толкования национальными органами фактов и национального законодательства, за исключением случаев, когда принятые решения являются явно произвольными или иным образом равносильны отказу в правосудии <6> (пункт 7.5 Мнения).

<6> См. сообщение N 40/2007, Эр. против Дании, Мнение, принятое 8 августа 2007 г., пункт 7.2.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет принимает к сведению утверждение заявителя о том, что решение об отклонении его ходатайства о натурализации, принятое членами муниципального собрания, представляет собой акт расовой дискриминации, поскольку оно было продиктовано его этническим происхождением. В этом контексте заявитель ссылается на выступление одного из членов муниципального собрания, который негативно отозвался о его национальном или этническом происхождении. Комитет... принимает к сведению утверждения заявителя о том, что дискриминационные последствия были замечены общественностью, средствами массовой информации и неправительственными организациями и что натурализация его матери и сестры не дает оснований делать вывод об отсутствии расовой дискриминации в его случае. Комитет... принимает к сведению утверждение заявителя о том, что предъявляемые в контексте натурализации требования в отношении интеграции не были должным образом соотнесены ни с наличием у него инвалидности, ни с той враждебностью, с которой он столкнулся... Комитет принимает к сведению утверждение государства-участника о том, что на заседании муниципального собрания 27 марта 2009 г. было выдвинуто несколько доводов против удовлетворения ходатайства заявителя, в том числе упоминались ложные сведения,

приведенные им в предыдущем ходатайстве, тот факт, что он не состоял членом ни одной ассоциации инвалидов и не работал в специализированной мастерской для инвалидов, и сделан вывод о том, что он не удовлетворяет критериям интеграции в местную общину. Комитет... отмечает, что три инстанции, пересматривавшие данное решение, в том числе два суда, пришли к заключению о том, что члены муниципального собрания привели доводы против его натурализации, не связанные с его происхождением, а, следовательно, не представлявшие собой расовую дискриминацию. Комитет... отмечает, что Верховный суд признал, что решение заявителя отойти от общественной жизни вполне объяснимо ввиду того неприятия, с которым он столкнулся со стороны отдельных жителей общины в первую очередь из-за того, что он был инвалидом и передвигался на инвалидной коляске <7>, но что у заявителя все равно оставались возможности интегрироваться, несмотря на инвалидность, и что предъявляемые требования были соразмерны его обстоятельствам (пункт 7.3 Мнения).

<7> См. решение Верховного суда от 12 июня 2012 г., пункты 3.1, 3.4 и 4.4.

Комитет принимает к сведению утверждение заявителя о том, что Верховный суд в достаточной степени не учел, что его инвалидность явилась отягчающим обстоятельством и усугубила решение муниципального собрания об отказе в удовлетворении его ходатайства о натурализации на основании его происхождения, и ввиду этого не изучил вопрос о том, может ли это быть приравнено к двойной дискриминации. Комитет... принимает к сведению утверждение заявителя о том, что дискриминационные высказывания одного из членов собрания повлияли на решение об отказе ему в натурализации и что Суду следовало переложить бремя доказывания на общину Оберрит, с тем чтобы убедительно доказать, что отказ в удовлетворении его ходатайства о натурализации не был мотивирован расовой дискриминацией или двойной дискриминацией... Комитет принимает к сведению утверждения государства-участника о том, что заявления о двойной дискриминации по признаку происхождения и инвалидности не удовлетворяют пороговому условию приемлемости, что заявитель обращался в национальные органы власти и суды с отдельными жалобами на дискриминацию по признаку происхождения и дискриминацию по признаку инвалидности, не проводя между ними какой-либо связи, и что на заседании муниципального собрания, состоявшемся 27 марта 2009 г., не прозвучало ни одного замечания по поводу инвалидности заявителя (пункт 7.4 Мнения).

Комитет отмечает, что национальные органы власти и суды в обоснование своих решений ссылались на тот факт, что заявитель не мог претендовать на натурализацию по причинам, не связанным с предполагаемой дискриминацией по признаку его албанского происхождения, в частности потому, что он не сумел интегрироваться в местную общину. В данном случае Комитет считает, что из информации, представленной сторонами, не следует, что отказ в удовлетворении ходатайства заявителя о натурализации был основан на дискриминационных критериях, связанных с его национальным или этническим происхождением... Комитет считает, что в данном случае факт дискриминации по признаку национального или этнического происхождения доказан не был. Что касается утверждений автора о дискриминации по признаку инвалидности, то Комитет считает, что в соответствии со статьей 1 Конвенции он некомпетентен рассматривать отдельное утверждение о дискриминации по признаку инвалидности <8>. В силу вышеизложенного Комитет приходит к выводу о том, что факты, представленные заявителем, не свидетельствуют о нарушении пункта d) iii) статьи 5, рассматриваемого как отдельно, так и в совокупности с подпунктами а) и с) пункта 1 статьи 2 Конвенции (пункт 7.6 Мнения).

<8> См. сообщение А.В.Р.А.П. против Дании, пункт 6.3, в котором Комитет заключил, что он правомочен рассматривать утверждения о двойной дискриминации, но что отдельные утверждения о дискриминации по признакам, отличным от изложенных в статье 1 Конвенции, являются неприемлемыми *ratione materiae*.

Что касается утверждения заявителя о нарушении статьи 6 Конвенции, то Комитет отмечает, что национальные суды рассмотрели его жалобу на дискриминацию и, изучив протоколы заседания муниципального собрания и другие элементы доказывания, пришли к выводу о том, что решение об отказе в удовлетворении его ходатайства о натурализации не было продиктовано дискриминационными мотивами. Комитет... отмечает, что Верховный суд рассмотрел оба утверждения заявителя, касавшихся как дискриминации по признаку национального или этнического происхождения, так и дискриминации по признаку инвалидности. Комитет... отмечает, что, хотя заявитель и не согласен с аргументацией Суда, в информации, имеющейся в распоряжении Комитета, нет ничего, что указывало бы на то, что решение Верховного суда представляет собой нарушение Конвенции. Ввиду этого Комитет не может сделать вывод о том, что было нарушено право заявителя на защиту и средства правовой защиты от расовой дискриминации, закрепленное в статье 6 Конвенции (пункт 7.7 Мнения).

Выводы Комитета: представленные... факты не свидетельствуют о нарушении государством-участником каких-либо положений Конвенции (пункт 10 Мнения).

**В сфере рассмотрения дел
об административных правонарушениях**

Практика Европейского Суда по правам человека

Постановление Европейского Суда по жалобе N 926/08 "Карелин против России" (вступило в силу 6 марта 2017 г.), которым установлено нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (далее - Конвенция) в связи с несоблюдением судами принципа беспристрастности суда при рассмотрении дела об административном правонарушении в отношении Карелина М.Ю. ввиду отсутствия в процессе стороны обвинения как в первой, так и в апелляционной инстанции.

Заявитель утверждал, что отсутствие стороны обвинения в деле в отношении него об административном правонарушении повлекло за собой нарушение статьи 6 Конвенции.

Европейский Суд напомнил, что "внешние признаки в суде могут иметь важное значение в судебных разбирательствах, например, для оценки соблюдения требования объективной беспристрастности или ради сохранения доверия, которое суды в демократическом обществе должны внушать обществу... При проведении такой оценки основное внимание должно быть уделено правомерности причины опасаться, что конкретный судья не является беспристрастным, и может ли это опасение быть объективно обосновано" (пункт 52 постановления).

Суд подчеркнул, что "тесная взаимосвязь между различными гарантиями и процессуальными методами, указанными в статье 6 Конвенции, и тем, каким образом они комбинируются для того, чтобы дополнять друг друга в контексте рассматриваемого дела в целях обеспечения принципа справедливости, являющегося основополагающим принципом. Поэтому представляется возможным, что отсутствие органа власти, представляющего обвинение, и, как следствие, его отсутствие в заседаниях судов первой и второй инстанций, могут иметь влияние на то, каким образом предъявляются и подтверждаются обвинения и доказательства в суде, и наоборот" (пункт 59 постановления).

Европейский Суд отметил, что "согласно КоАП РФ производство начинается внесудебными властями... КоАП РФ наделяет прокуроров широкими дискреционными полномочиями возбуждать производства по делу об административном правонарушении, а также, после возбуждения, принимать в них участие. Другими словами, КоАП РФ не требует присутствия прокурора на судебном слушании и не предполагает никаких особенных последствий в случае отсутствия прокурора на таком заседании. Суд отклоняет утверждение Властей, что согласно статье 29.4 КоАП РФ суд первой инстанции имеет возможность потребовать присутствия прокурора. Эта норма содержит исчерпывающий перечень лиц, присутствие которых может потребоваться в судебном заседании... и на рассматриваемый момент прокурора в этом списке не было" (пункт 61 постановления).

Суд установил, что "роль полиции состояла в том, чтобы составить "протокол об административном правонарушении" и передать его в суд. Нельзя сказать, что на этом этапе разбирательства полиция выступала в качестве "органа правосудия", участвующего в "предъявлении обвинения в уголовном преступлении"... [Н]ельзя сказать, что должностное лицо, ответственное за составление протокола об административном правонарушении или другого протокола, связанного с делом... рассматривалось как сторона разбирательства. Отмечается, что этот сотрудник не может подавать ходатайства в суд первой инстанции, что является неотъемлемой чертой справедливого судебного разбирательства; а также не может обжаловать решение, вынесенное судом. Однако он может быть вызван для предоставления разъяснений... Таким образом... рассматриваемый сотрудник полиции не являлся "органом власти, представляющим обвинение" или "стороной обвинения", то есть не был должностным лицом, уполномоченным выступать против лица, в отношении которого велось производство по делу об административном правонарушении, а также представлять и защищать обвинение от лица государства перед судьей. Следовательно... в этом деле, возбужденном в соответствии с КоАП РФ, действительно не было стороны обвинения" (пункты 62, 64 - 65 постановления).

Европейский Суд отметил, что "протокол об административном правонарушении послужил основой для рассмотрения судьей дела, когда было впервые предъявлено "обвинение" (пункт 66 постановления).

Суд принял во внимание точку зрения Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, состоящую в том, что "протокол о правонарушении мог использоваться или использовался как доказательство. Однако в данном случае текст судебного решения не свидетельствует о том, что протокол о правонарушении, как таковой, рассматривался как доказательство, призванное подтвердить вину обвиняемого... [С]одержащаяся в нем информация могла рассматриваться в качестве доказательства, относящегося к установлению фактических данных. Суд второй инстанции сослался на протокол об административном правонарушении как на устанавливающий "тот факт, что правонарушение имело место"... Протокол об административном правонарушении сопровождался подтверждающими доказательствами... Лицо, в отношении которого велось производство по делу, имело возможность оспаривать информацию протокола об административном правонарушении, по сути с формальной или процессуальной точки зрения, во время рассмотрения дела судьей... [В] соответствии с КоАП РФ требовалось слушание дела... и таковое в настоящем деле состоялось в судах первой и второй судебных заседаний... [Н]а стадии разбирательства в судах первой и апелляционной инстанции[й] в отношении заявителя состоялись открытые слушания. Во время них не присутствовал никто, кто

мог бы оппонировать заявителю" (пункты 66 - 67 постановления).

Суд подчеркнул, что "вопрос о беспристрастности был поднят заявителем в связи с устным и открытым слушанием, состоявшимся в ходе этого дела... [О]тсутствие стороны обвинения имело влияние на юридическую силу презумпции невиновности во время судебного разбирательства и, косвенно, на вопрос о беспристрастности суда первой инстанции, и наоборот... Пункт 2 статьи 6 Конвенции защищает право человека "считаться невиновным, до тех пор пока его виновность не будет установлена в законном порядке". Презумпция невиновности будет нарушена в том случае, когда на практике или ввиду применения действующего законодательства (например, правовой презумпции) бремя доказывания переносится со стороны обвинения на сторону защиты" (пункты 71 - 72 постановления).

Европейский Суд установил, что "суд первой инстанции не имел иного варианта, кроме как взять на себя задачу предъявления - и, что более важно, [-] нести бремя подтверждения... обвинения в ходе слушания дела" (пункт 73 постановления).

Суд отметил, "КоАП РФ предусматривает, что суд первой инстанции может сам решать, требовать ли дачи устных показаний, или истребовать дополнительные документы, или назначать экспертизу. Власти указали, что такое решение может приниматься, "помимо прочего, на основании запроса лица, против которого ведется производство по делу". Из этого следует, что это также может означать тот факт, что такие решения могут приниматься судом первой инстанции по собственной инициативе" (пункт 74 постановления).

Европейский Суд подчеркнул, что "в тех случаях, когда слушание дела оценивается как благоприятный фактор (например, из-за того, что есть угроза возможного наказания в виде содержания под стражей, как в настоящем деле) для судебного определения "уголовного обвинения" лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, и в тех случаях, когда, получив адекватную возможность присутствовать на судебном заседании, сторона защиты не отказалась от нее в установленном порядке, присутствие на суде стороны обвинения, как правило, целесообразно, чтобы избежать законных сомнений, которые иначе могут возникнуть, в отношении беспристрастности суда" (пункт 76 постановления).

Суд отметил, что "[в] отличие от гражданских дел, в которых сторона может отказаться от возможности присутствовать на слушании дела, в уголовном или приравненном к нему деле, ситуация может отличаться, т.к., хотя судья и является главным блюстителем закона при судопроизводстве, в деле с государственным обвинением обычно именно задачей государственного органа власти является изложение и обоснование уголовного обвинения с целью состязательного спора с другой стороной или с другими сторонами по делу" (пункт 77 постановления).

Европейский Суд подчеркнул, что "производство по жалобе в суде второй инстанции было инициировано заявителем. На тот момент должностное лицо, которое возбудило дело об административном правонарушении, не было уполномочено обжаловать решение суда первой инстанции по делу об административном правонарушении, тогда как прокурор имел такое право вне зависимости от того, участвовал ли он в заседании суда первой инстанции" (пункт 78 постановления).

Суд отметил, что "проблема, связанная с неучастием в деле органа власти, представляющего обвинение, может быть иной при рассмотрении жалобы, когда суд второй инстанции проверяет по просьбе лица, в отношении которого принято постановление по делу об административном правонарушении, законность и обоснованность вынесенного решения. [П]осле того как... "обвинение[е]" было "определено" в порядке, лишенном недостатков, рассмотренных выше, а лицо, в отношении которого было вынесено постановление по делу об административном правонарушении, подало жалобу только по вопросам права, роль обвинения могла быть воспринята как менее обязательная, в том числе и в том, что касается принципа беспристрастности" (пункт 81 постановления).

Суд установил, что "законом был определен такой объем производства по жалобе в соответствии с КоАП РФ, который бы предоставил суду второй инстанции возможность заново оценить имеющиеся доказательства, изучить дополнительные доказательства и проверить дело в целом, вне зависимости от того, есть ли такой запрос в жалобе... [С] точки зрения закона, суд второй инстанции имел право действовать таким образом, который мог бы устранить некоторые недостатки, негативно повлиявшие на справедливость производства по делу в суде первой инстанции" (пункт 82 постановления).

Европейский Суд пришел к выводу, что "учитывая широкий установленный законом объем проверки дела по жалобе, требование беспристрастности должно также соблюдаться и в разбирательствах, проводимых в суде второй инстанции... [О]тсутствие стороны обвинения в производстве по жалобе в суде второй инстанции также являлось серьезным недостатком. Таким образом, производство по делу в суде второй инстанции не устранило вопрос о беспристрастности, возникший при рассмотрении дела в суде первой инстанции. Следовательно, было допущено нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции в отношении требования беспристрастности" (пункты 83 - 84 постановления).

Условия содержания в местах лишения свободы

Практика Европейского Суда по правам человека

Постановление Европейского Суда по жалобе N 44694/13 "Колесникович против России" (вынесено 22 марта 2016 г., вступило в силу 12 сентября 2016 г.), которым установлено нарушение статей 3 и 13 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (далее - Конвенция) в связи с необеспечением заявителю надлежащей медицинской помощи во время его содержания в следственном изоляторе и отсутствием у заявителя эффективных средств правовой защиты от соответствующих нарушений.

Заявитель жаловался, ссылаясь на статью 3 Конвенции, что власти не приняли никаких мер для защиты его здоровья и благополучия и не предоставили ему надлежащую медицинскую помощь.

Он также утверждал, что в его распоряжении не было эффективного средства правовой защиты в отношении жалобы на нарушение его прав на защиту от жесткого обращения с ним, как того требует статья 13 Конвенции.

Европейский Суд установил, что "до задержания заявитель неоднократно проходил лечение в гражданских больницах... В период содержания под стражей состояние его здоровья ухудшилось" (пункт 72 постановления).

Суд отметил, что "после задержания заявителя властям сразу стало известно о его многочисленных проблемах со здоровьем... Тем не менее, они лишь ограничились установлением отсутствия противопоказания для содержания заявителя под стражей. В течение первых двух лет содержания под стражей медицинский надзор за заявителем не осуществлялся. Власти обратили внимание на его проблемы со здоровьем только после того, как состояние его здоровья ухудшилось до такой степени, что заявитель не мог больше принимать участия в слушаниях" (пункт 73 постановления)

Европейский Суд обратил внимание на довод заявителя о том, что "в ряде случаев власти не выдавали ему назначенных лекарственных препаратов. Принимая во внимание тот факт, что на момент рассматриваемых событий заявитель находился под контролем властей и, следовательно, являлся особенно уязвимым, Суд считает, что бремя доказывания факта выдачи заявителю лекарственных препаратов лежит на властях. В соответствии с российским законодательством, каждая доза назначенных медикаментов должна быть зафиксирована в медицинской карте заключенного... Тем не менее, власти не представили документов о принятии заявителем лекарственных препаратов" (пункт 74 постановления).

Суд подчеркнул, что "[о]бстоятельства дела свидетельствуют о том, что лечение заявителя не было направлено на сокращение частоты рецидивов. Его лечение не являлось предусмотрительным и, следовательно, не являлось эффективным... [В]ласти не создали условий, необходимых для соблюдения назначенного лечения, в частности, не обеспечили выдачу заявителю необходимых лекарственных препаратов под надзором и наблюдением медицинского персонала тюрьмы и соблюдение предписанного режима, что является важным элементом эффективного лечения заболевания" (пункты 76 - 77 постановления).

Суд также отметил, что "[г]оспитализация была необходима для постановки корректного диагноза и назначения надлежащего лечения... [П]отребовалось несколько месяцев для перевода заявителя из следственного изолятора в больницу, расположенную в том же городе" (п. 78 постановления).

Европейский Суд пришел к выводу, что "неоказание властями необходимой медицинской помощи заявителю в его тяжелом состоянии представляет собой бесчеловечное и унижающее достоинство обращение в значении статьи 3 Конвенции" (п. 80 постановления).

Относительно исчерпания внутригосударственных средств правовой защиты и предполагаемого нарушения статьи 13 Конвенции... Суд отметил, что "[з]аявитель жаловался на плохое состояние здоровья и бездействие властей в отношении его проблем со здоровьем в суд в рамках уголовного судопроизводства по его делу; кроме того, он подавал в суд иск против администрации тюрьмы... Это явно представляло собой попытки привлечь внимание властей к состоянию своего здоровья" (пункт 63 постановления).

Европейский Суд пришел к выводу, что "предложенные властями средства правовой защиты не являлись эффективным средством правовой защиты, которое могло бы быть использовано для предотвращения предполагаемых нарушений или их продолжения с предоставлением заявителю надлежащего и достаточного возмещения в связи с его жалобами на нарушение статьи 3 Конвенции... [З]аявитель не располагал эффективным внутригосударственным средством правовой защиты в отношении своих жалоб на нарушение статьи 13 Конвенции" (пункты 65 - 66 постановления).

Постановление Европейского Суда по жалобе N 52526/07 "Макшаков против России" (вынесено 24 мая 2016 г., вступило в силу 24 августа 2016 г.), которым отклонена жалоба Макшакова Н.В. на якобы имевшие место ненадлежащие условия содержания в лечебном исправительном учреждении.

Вместе с тем, установлено нарушение статьи 3 и статьи 13 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (далее - Конвенция) в связи с необеспечением заявителю, страдающему туберкулезом, медицинской помощи с учетом состояния его здоровья и отсутствием у него эффективных средств правовой защиты от соответствующих нарушений.

Европейский Суд установил, что "основным вопросом при оценке условий содержания под стражей является... площадь [личного пространства], предоставляемая в заключении... Заявитель утверждал, что содержался в стесненных условиях... где каждому заключенному предоставлялось 3,6 кв. м личного пространства... Власти оспорили доводы заявителя, утверждая, что ему всегда предоставлялось более 4 кв. м личного пространства. Они подкрепили свои доводы справками, выданными администрацией следственных изоляторов, выдержками из журналов о перемещении заключенных, фотографиями и показаниями других заключенных" (пункт 60 постановления).

Оценив представленные сторонами доказательства, Европейский Суд принял документы, представленным властями, и отклонил утверждение заявителя о переполненности камер в период его содержания под стражей.

Суд посчитал, что "нехватки спальных мест в камерах не было и что в распоряжении заявителя имелось как минимум 4 кв. м личного пространства. Нельзя сказать, что общий размер его камер был настолько мал, что ограничивал свободу передвижения заключенных сверх тех пределов, которые допускаются статьей 3 Конвенции... Окна в камерах... пропускали достаточно дневного света в камеру. Оконную форточку... можно было открыть для доступа свежего воздуха. Камеры были дополнительно оборудованы источниками искусственного света и вентиляцией, функционирующими должным образом... [В] камерах размещался обеденный стол. С одной стороны туалет отделяла высокая перегородка, с другой стороны была установлена дверь, в результате чего получалась кабинка, которая полностью скрывала находившегося внутри нее заключенного. В камерах была холодная проточная вода, и раз в неделю заключенные могли принимать душ. В карцерах, где заявитель находился в одиночном заключении, санузел был отделен занавесками... [З]явителю ежедневно предоставлялось время для упражнений во дворе в течение часа. Он также мог передвигаться между помещениями медицинского блока во время прохождения стационарного лечения (пункты 61 - 64 постановления).

Несмотря на то, что Европейский Суд признал, что некоторые аспекты условий содержания заявителя под стражей не соответствовали Минимальным стандартным правилам обращения с заключенными, Европейским пенитенциарным правилам и рекомендациям Комитета по предупреждению пыток, он не посчитал, что "условия содержания под стражей заявителя достигли минимального уровня жестокости, необходимого для того, чтобы характеризовать обращение с ним как бесчеловечное или унижающее достоинство по смыслу статьи 3 Конвенции" (пункт 65 постановления).

Таким образом Суд заключил, что "нарушения статьи 3 Конвенции в связи с условиями содержания заявителя под стражей в больнице СИЗО допущено не было" (пункт 66 постановления).

Тем не менее, Европейский Суд также пришел к выводу, что "заявитель не имел в своем распоряжении эффективных средств правовой защиты в отношении своей жалобы, касающейся условий его содержания под стражей в больнице СИЗО... Соответственно... было допущено нарушение требований статьи 13 Конвенции (пункты 70 - 71 постановления).

Заявитель также жаловался на то, что власти не приняли никаких мер для защиты его здоровья и благополучия и не оказали ему надлежащей медицинской помощи в нарушение статей 3 и 13 Конвенции.

Европейский Суд установил, что "[заявитель] заболел туберкулезом во время содержания под стражей... [Д]анное обстоятельство... само по себе не подразумевает нарушения статьи 3 Конвенции при условии, что заявитель проходил лечение" (пункт 93 постановления).

Суд отметил, что "у заявителя диагностировали туберкулез в 2006 году... [П]отребовалось более семи лет, чтобы взять его под контроль" (пункт 94 постановления).

Европейский Суд подчеркнул, что "осознает субсидиарный характер своих функций и учитывает необходимость проявлять осторожность при принятии на себя роли суда первой инстанции, устанавливающего факты, когда это не представляется неизбежным с учетом обстоятельств конкретного дела" (пункт 95 постановления).

Европейский Суд отклонил доводы властей о том, что "конфликтное поведение заявителя подрывало эффективность его терапии... [З]явитель прервал свое лечение в первый раз в июне 2008 года, ... то есть более чем через полтора года начала терапии, которая оказалась неэффективной и не улучшила состояние заявителя. Поэтому он считает, что решение заявителя прервать лечение было не более, чем правомерной попыткой привлечь внимание властей к низкому качеству медицинской помощи. Принимая во внимание, что перерыв длился менее месяца, Европейский Суд не согласен с тем, что перерыв мог существенным образом повлиять на качество лечения заявителя" (пункт 100 постановления).

Европейский Суд заключил, что "власти не представили достаточных доказательств, на основании которых он мог бы прийти к выводу о том, что длительный период болезни заявителя туберкулезом был вызван другими обстоятельствами, а не неправильным подходом к лечению болезни. О неспособности российских властей обеспечить надлежащий медицинский уход заявителю явно свидетельствует и отсутствие лекарственной терапии на начальной стадии лечения и незаконная лекарственная терапия на последних стадиях. Неспособность властей провести тест на лекарственную чувствительность могла негативно повлиять на реальную вероятность успешности лечения заявителя. В результате заявителю были причинены продолжительные психологические и физические страдания, унижающие его человеческое достоинство. Непредоставление властями необходимой медицинской помощи заявителю составляло бесчеловечное и унижающее достоинство обращение по смыслу статьи 3 Конвенции" (пункт 101 постановления).

В отношении нарушения статьи 13 Конвенции, Суд отметил, что "[с] учетом серьезных проблем со здоровьем заявителя, а также степени серьезности его утверждений о том, как власти на них реагировали, Европейский Суд по[считал], что он [заявитель] небезосновательно жаловался на ненадлежащее качество медицинской помощи, оказываемой ему во время нахождения под стражей, и что власти были обязаны предоставить ему эффективное средство правовой защиты для разрешения его жалоб. Принимая во внимание обстоятельства настоящего дела, а также изложенную выше прецедентную практику, Суд не видит оснований для отступления от своих предыдущих выводов по этому вопросу. Европейский Суд при[шел] к выводу, что предложенные властями средства правовой защиты не являлись эффективным средством правовой защиты, которое могло бы быть использовано для предотвращения предполагаемых нарушений или их продолжения с предоставлением заявителю надлежащего и достаточного возмещения в связи с его жалобами на нарушение статьи 3 Конвенции" (пункт 88 постановления).

Соответственно, Суд отклонил возражения властей о неисчерпании внутригосударственных средств правовой защиты и пришел к выводу о том, что было допущено нарушение статьи 13 Конвенции (пункт 89 постановления).

Постановление Европейского Суда по жалобам N 11215/10 и N 55068/12 "Долгов и Силаев против России" (вынесено и вступило в силу 4 октября 2016 г.), которым отклонена жалоба Долгова В.И. на якобы имевшее место необеспечение ему надлежащих условий содержания в исправительной колонии.

Вместе с тем, установлено нарушение российскими властями статьи 3 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (далее - Конвенция) в связи с необеспечением Силаеву С.А. надлежащих условий содержания в исправительной колонии.

Европейский Суд отметил, что "учреждение, в котором содержался первый заявитель, не было переполненным, и в распоряжении первого заявителя имелось не менее трех квадратных метров площади камеры... Количество спальных мест было достаточным для заключенных, и нельзя сказать, что общие размеры камер являлись настолько небольшими, что приводили к ограничению свободы передвижения заключенных ниже границы, допустимой согласно статье 3 [Конвенции]... Туалет был отделен от остального пространства камеры и был оборудован дверью; это обеспечивало некоторую уединенность при его использовании. После удаления металлических ставней с окон доступ к естественному освещению и воздуху также являлся достаточным" (пункт 25 постановления).

Суд не смог прийти к выводу о том, что "условия содержания первого заявителя, хоть далеко не надлежащие, достигли границы жестокости, требуемой для характеристики обращения в качестве бесчеловечного или унижающего достоинство согласно значению статьи 3 Конвенции. Следовательно, не имело место нарушение этого положения в отношении первого заявителя" (пункт 25 постановления).

Что касается второго заявителя, который находился в течение более чем двенадцати лет в камерах без водопровода и канализации, Суд пришел к выводу, что "отсутствие доступа к надлежащему санитарному оборудованию[ю], особенно в течение такого продолжительного периода времени, и, как следует из обстоятельств дела, без надежды на улучшение условий в ближайшем будущем, самого по себе достаточно для обнаружения нарушения статьи 3 [Конвенции]... Такие условия унижали человеческое достоинство заявителя и приводили к возникновению у него чувства отчаяния и неполноценности, способных унижить его... Следовательно, в отношении второго заявителя имело место нарушение статьи 3 Конвенции" (пункт 26 постановления).

Постановление Европейского Суда по жалобе N 78774/13 "Топехин против России" (вынесено 10 мая 2016 г., вступило в силу 17 октября 2016 г.), которым отклонена жалоба Топехина В.А. на якобы имевшее место необеспечение ему надлежащей медицинской помощи в следственном изоляторе.

Отклонена также жалоба заявителя на нарушение пункта 3 статьи 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (далее - Конвенция) в связи с якобы имевшим место необоснованно длительным содержанием его под стражей.

Вместе с тем, установлено нарушение статьи 3 Конвенции в связи с необеспечением Топехину В.А.

надлежащих условий содержания в следственных изоляторах и транспортировки заявителя до исправительной колонии, пункта 4 статьи 5 Конвенции - в связи с ненадлежащим рассмотрением городским судом жалоб заявителя на постановления о заключении его под стражу.

Заявитель жаловался, ссылаясь на статью 3 Конвенции, на то, что ему не было предоставлено надлежащего лечения в заключении и что условия содержания его под стражей и перевозки в исправительную колонию унижали его достоинство.

Европейский Суд отметил, что он был вынужден провести непосредственную оценку значительного количества медицинских документов в целях определения, были ли соблюдены гарантии статьи 3 Конвенции в настоящем деле (пункт 72 постановления).

Суд подчеркнул, что "Власти предоставили исчерпывающие медицинские документы, включая медицинскую карту заявителя, составленную в заключении, эпикриз, результаты анализов и медицинские заключения. Документы относятся ко всему периоду содержания под стражей. Заявитель не оспаривал подлинность или качество этих документов" (пункт 73 постановления).

Европейский Суд установил, что "как только органы власти узнали о проблемах со здоровьем у заявителя, они назначили ему схему лечения... Через несколько дней он поступил в тюремную медсанчасть, где прошел необходимые исследования для установления точного и правильного диагноза. Его осматривали разные врачи... [и] ему было предписано комплексное лечение... За этим последовали дальнейшие комплексные освидетельствования... Они были назначены и проведены вовремя и надлежащим образом... Схема приема лекарств заявителем была дополнена по необходимости, и стратегия его лечения вышла далеко за рамки действий, направленных только на обезболивание. Она была направлена на полное восстановление утраченной функции нижних конечностей. Никакие сведения, находящиеся в распоряжении Суда, не доказывали, что предписанное лечение проводилось ненадлежащим образом или прерывалось. Органы власти в местах содержания под стражей продолжили лечение, предоставляя назначенные лекарства и инъекции независимо от места содержания заявителя под стражей, будь то в больнице или в стандартном учреждении содержания под стражей... Они также назначили ему физиотерапию, обеспечивая ему, таким образом, доступ к ключевому компоненту процесса реабилитации" (пункт 75 постановления).

В этих обстоятельствах Европейский Суд не нашел доказательств в поддержку утверждения заявителя о том, что ухудшение его здоровья было обусловлено недостаточным или некачественным лечением и, таким образом, пришел к выводу, что "национальные органы власти обеспечили заявителю необходимое медицинское обслуживание во время содержания под стражей... [В] этой связи не было допущено нарушения статьи 3 Конвенции" (пункты 76 - 77 постановления).

Относительно условий содержания заявителя Суд отметил, что "стороны предоставили противоречивое описание условий содержания заявителя под стражей в следственных изоляторах... Власти утверждали, что ему оказывалась помощь работниками патронажной службы и заключенными, тогда как он утверждал, что такую помощь ему оказывали только сокамерники, поскольку в учреждениях не было персонала, оказывавшего ему помощь в повседневной жизни" (пункт 82 постановления).

Европейский Суд установил, что в настоящем деле "Власти... не предоставили никаких доказательств, например, журнала регистрации персонала или справок с места работы, показаний лечащих врачей, медицинского персонала, который предположительно оказывал ему помощь, или, по крайней мере, сокамерников заявителя, подтверждающих, что учреждения содержания под стражей, в которых он находился, имели достаточное количество работников патронажной службы и что персонал обеспечивал ему необходимую помощь в повседневных нуждах. Заявитель, с другой стороны, не только предоставил подробное и логичное описание обстоятельств, но и передал Суду показания своих сокамерников, подтверждающих его заявления... В этих обстоятельствах Суд заключил, что заявитель был оставлен без поддержки со стороны обученного персонала и был вынужден полностью полагаться на помощь своих сокамерников" (пункт 84 постановления).

Суд также отметил, что "неизбежная зависимость заявителя от его сокамерников и необходимость просить о помощи при проведении процедур интимной гигиены поставили его в крайне дискомфортное положение и негативно повлияли на его эмоциональное состояние, затрудняя его общение с сокамерниками, которые могли быть недовольны обременительными обязанностями, которые они невольно были вынуждены исполнять" (пункт 86 постановления).

Европейский Суд подчеркнул, что "условия содержания заявителя под стражей ухудшались в связи с непредоставлением ему, как это следует из документов, представленных сторонами, больничной кровати или какого-либо другого оборудования, например, специального распределяющего давление матраса, который мог обеспечить ему, по крайней мере, минимальный уровень комфорта в течение более года содержания под стражей" (пункт 87 постановления).

Таким образом, Суд постановил, что "условия содержания заявителя под стражей в следственных изоляторах могли расцениваться как бесчеловечное и унижающее достоинство обращение... В данном

отношении имело место нарушение статьи 3 Конвенции" (пункт 88 постановления).

В отношении условий перевозки Суд отметил, что "заявителя перевозили в исправительную колонию в стандартных железнодорожных вагонах и [в] тюремных фургонах без специального оборудования, установленного с целью обеспечить удовлетворение потребностей лежачего больного с тяжелым заболеванием позвоночника и проблемами с мочевым пузырем. Первая часть поездки заняла девять часов, в течение которых он был прикован к полке железнодорожного вагона. Поездка, которая не доставила бы серьезных проблем здоровому заключенному, имела очевидно негативные последствия для заявителя" (пункт 91 постановления).

Суд также установил, что "в ходе следующей части поездки... [В]ласти не приняли корректирующих мер с целью удовлетворить потребности заявителя в ходе перевозки, с равнодушием отнесясь к его жалобам на острую боль, когда он лежал на жестком полу тюремного фургона или когда его переносили на одеяле, используемом в качестве носилок. Тот факт, что он лежал прямо на полу тюремного фургона, подвергал его вибрациям от дороги в ходе поездки, и в результате он испытывал дополнительную боль" (пункт 92 постановления).

Европейский Суд пришел к выводу, что "суммарное воздействие физических условий перевозки заявителя и продолжительности поездки было достаточно серьезным, чтобы расцениваться как бесчеловечное и унижающее достоинство обращение в значении статьи 3 Конвенции... Таким образом, имело место нарушение требований статьи 3 Конвенции в связи с условиями перевозки заявителя в исправительную колонию" (пункты 94 - 95 постановления).

Заявитель также жаловался, ссылаясь на пункт 3 статьи 5 Конвенции, на нарушение его права на рассмотрение дела в разумный срок и утверждал, что постановления о заключении его под стражу не имели достаточных оснований.

Европейский Суд установил, что "[з]аявитель был арестован 16 июля 2013 г., приговор ему был вынесен 13 января 2014 г. Таким образом, рассматриваемый период составляет чуть менее шести месяцев" (пункт 102 постановления).

Суд подчеркнул, что "[т]яжесть обвинений является одним из факторов оценки потенциальной возможности заявителя избежать правосудия, совершить правонарушение повторно, либо воспрепятствовать правосудию... [Н]есмотря [на] тот факт, что строгость приговора является важным элементом оценки риска того, что обвиняемый скроется от правосудия или повторно совершит преступление, необходимость продления срока лишения свободы не может оцениваться исключительно с абстрактной точки зрения, принимая во внимание только тяжесть преступления. Также продление заключения не должно предвосхищать обвинительный приговор" (пункт 104 постановления).

Суд отметил, что "при продлении срока содержания заявителя под стражей российские суды придавали особое значение угрозе его побега. Оценка этой угрозы была основана на его предыдущем поведении, а именно, на его попытке скрыться и его побеге с января по июль 2013 года; отсутствии у него работы и, таким образом, отсутствии его привязки к месту проживания в г. Москве, а также обнаружении полицией фальшивого паспорта" (пункт 105 постановления).

Европейский Суд согласился с обоснованностью опасений российских судов, что заявитель был способен скрыться. Он установил, что "[п]редоставленные ими доказательства убедительно продемонстрировали, что такая угроза существовала. Заявитель ранее пытался скрыться... и снова продемонстрировал органам власти свое намерение сбежать, когда они обнаружили фальшивый паспорт... Отсутствие у него работы не могло само по себе требовать его содержания под стражей, но могло укрепить выводы российских судов о том, что с его стороны имела угроза побега" (пункт 106 постановления).

Суд также подчеркнул, что "при решении вопроса о необходимости продления содержания заявителя под стражей российские суды принимали во внимание его состояние после заслушивания лечащих врачей или исследования других медицинских документов... [С]остояние здоровья заявителя существенно изменилось в октябре 2013 года, когда он утратил способность передвигаться без помощи. В ноябре 2013 года, по-видимому, у него полностью отнялись ноги... [Э]ти обстоятельства снизили риск его побега, [однако] угроза не была полностью устранена, с учетом его изобретательности в случае, когда речь идет о его финансовом положении, а также его способности организовать побег, в том числе с помощью подделки документов... [Р]оссийские суды всесторонне оценили и взвесили риск, о котором идет речь" (пункт 107 постановления).

Европейский Суд заключил, что "заявитель находился в предварительном заключении менее шести месяцев. Внутригосударственные суды провели оценку добросовестности следственных органов и пришли к заключению, что продолжительность расследования была обоснована сложным характером дела... [В] предоставленных материалах дела отсутствуют сведения, демонстрирующие какой-либо существенный период бездеятельности со стороны обвинения или суда... В таких обстоятельствах нельзя сказать, что компетентные внутригосударственные органы не продемонстрировали особой тщательности при проведении расследования по делу заявителя... Соответственно, нарушения пункта 3 статьи 5 Конвенции допущено не было" (пункты 109 - 110).

постановления).

Заявитель также жаловался, ссылаясь на пункт 4 статьи 5, на то, что его жалобы на постановления о заключении под стражу рассматривались с задержками.

Европейский Суд пришел к выводу, что "жалобы заявителя в отношении постановлений о заключении под стражу от 16 июля и от 13 сентября 2013 г. были рассмотрены внутригосударственными судами в течение тридцати четырех и шестидесяти дней соответственно... В этих обстоятельствах... имело место нарушение данного положения" (пункт 115 постановления).

См. также нижеприводимое постановление Европейского Суда по жалобе N 17564/06 "Садретдинов против России" (вынесено 24 мая 2016 г., вступило в силу 24 августа 2016 г.), которым установлено нарушение статьи 3 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. в связи с необеспечением Садретдинову Ф.Х. надлежащей медицинской помощи в следственном изоляторе.

См. также поступившие в Верховный Суд Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека, содержащие констатацию нарушения положений статьи 3 Конвенции в связи с необеспечением заявителям надлежащих условий содержания в местах лишения свободы. Постановление по жалобе N 42526/07 "Г. против России" (вынесено 21 июня 2016 г., вступило в силу 21 сентября 2016 г.), N 28682/07, 24101/08, 7288/09, 18211/09, 32285/09, 42339/09, 73440/10, 58920/11, 68901/11, 37207/12, 37214/12, 59283/12, 62167/12, 74207/12, 46366/13, 56680/13 "Бадретдинов и другие против России" (вынесено и вступило в силу 19 июля 2016 г.), N 28625/13, 49945/13, 67302/13, 43672/14 "Шамраев и другие против России" (вынесено и вступило в силу 30 июня 2016 г.), N 24056/13, 29927/13 и 61878/13 "Руденков и другие против России" (вынесено и вступило в силу 22 сентября 2016 г.), N 10727/07 "Лавейкин против России" (вынесено и вступило в силу 10 января 2017 г.), N 18046/12, 11771/14, 2507/14, 2788/14, 3069/14, 3361/14, 5779/14, 42337/14, 51543/14, 51955/14 "Устинов и другие против России" (вынесено и вступило в силу 4 мая 2017 г.).

В сфере гражданско-правовых отношений

Практика Европейского Суда по правам человека

Постановление Европейского Суда по жалобе N 63508/11 "Поняева и другие против России" (вынесено 17 ноября 2016 г., вступило в силу 24 апреля 2017 г.), которым установлено нарушение статьи 1 Протокола N 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (далее - Конвенция), выразившееся в непропорциональном вмешательстве в имущественные права заявителей ввиду вынесения судами решений об аннулировании регистрации права собственности заявителей - добросовестных приобретателей на квартиры (со ссылкой на незаконную приватизацию соответствующих жилых помещений предыдущими собственниками), истребовании квартир из их владения, признании права собственности публично-правовых образований на спорное недвижимое имущество и выселении из него заявителей.

Заявители ссылались на то, что они были лишены права собственности на имущество в нарушение требований статьи 1 Протокола N 1 к Конвенции.

Рассматривая вопрос приемлемости жалобы, Европейский Суд напомнил, что "понятие "имущество", закрепленное в первом абзаце статьи 1 Протокола N 1 к Конвенции, имеет автономное значение, которое не ограничивается владением материальными благами и не зависит от формальной классификации данного полномочия в национальном законодательстве. Наряду с материальными благами, в качестве "имущественных прав" и, соответственно, "имущества" для целей настоящего положения могут рассматриваться и некоторые иные права и интересы. В каждом случае представляется необходимым рассмотреть вопрос о том, имеется ли у заявителя, с учетом всей совокупности обстоятельств конкретного дела, значительный интерес, находящийся под защитой статьи 1 Протокола N 1" (пункт 34 постановления).

Суд установил, что "в то время, когда первая заявительница была законным владельцем и обладала правом собственности в отношении квартиры, которая составляла ее "имущество" в значении статьи 1 Протокола N 1 к Конвенции, вторая и третья заявительницы не являлись собственниками квартиры и жили там только на основании родственных связей с первой заявительницей, т.е. в качестве ее дочерей" (пункт 35 постановления).

Европейский Суд отметил, что он "не исключает того, что лицо, наделенное правом использования жилого помещения и не являющееся его собственником, может обладать определенным имущественным правом или интересом в отношении указанного помещения, признаваемым в национальном законодательстве, и такой интерес будет рассматриваться в качестве "имущества", находяще[го]ся под защитой статьи 1 Протокола N 1 к Конвенции. Однако, по общему правилу, право проживания в конкретном помещении, не находящимся в собственности заявителя, не относится к "имуществу" по смыслу указанного положения" (пункт 36 постановления).

Суд заключил, что "что в своих замечаниях заявители не представили ссылки на какие-либо положения

национального законодательства или фактические обстоятельства дела, на основании которых Суд мог бы прийти к выводу о том, что предоставленное второй и третьей заявительницам право проживания в квартире свидетельствует [о] наличии у них "имущества" по смыслу статьи 1 Протокола N 1 к Конвенции... Таким образом,... заявители не могут утверждать, что положения указанной статьи применимы в отношении них. Из этого следует, что поданная второй и третьей заявительницами жалоба несовместима *ratione materiae* <9> с положениями Конвенции по смыслу пункта 3 статьи 35 Конвенции и должна быть отклонена в соответствии с пунктом 4 статьи 35 Конвенции" (пункт 37 постановления).

<9> "Ввиду обстоятельств, связанных с гарантируемыми в договоре правами и свободами", предметный критерий.

Изучая вопрос исчерпания внутригосударственных средств правовой защиты, Суд отметил, что "никаких дополнительных мер, предусмотренных российским законодательством, направленных против такого решения, которые теоретически могли бы привести к восстановлению права собственности заявителя, предпринято не было... [В]озможность подачи иска о возмещении убытков при данных обстоятельствах не лишила бы заявителя статуса жертвы для целей жалобы по статье 1 Протокола N 1 к Конвенции. Эта возможность также не могла рассматриваться как необходимая для соблюдения правила исчерпания внутригосударственных средств правовой защиты по смыслу пункта 1 статьи 35 Конвенции... [Л]юбое возмещение убытков, которое первая заявительница могла бы получить от продавцов квартир, могло быть принято во внимание только для целей оценки пропорциональности вмешательства и морального ущерба, если нарушение статьи 1 Протокола N 1 к Конвенции было бы выявлено судом, и если справедливая компенсация была бы присуждена согласно статье 41 Конвенции" (пункт 40 постановления).

Рассматривая жалобу по существу, Европейский Суд отметил, что "сложность рассматриваемых фактических и правовых вопросов в рассматриваемом деле не позволяет отнести его в одну из категорий, указанных во втором предложении первого пункта или во втором пункте статьи 1 Протокола N 1 к Конвенции... Таким образом [необходимо рассматривать] ситуацию в свете общего правила, установленного первым пунктом статьи 1 Протокола N 1" (пункт 47 постановления).

Суд также установил, что "[в] отношении законности лишения права собственности первой заявительницы на квартиру и принимая во внимание ее доводы о том, что национальные суды не смогли установить предварительное условие, позволившее городу Москве восстановить право собственности на квартиру, Суд не может исключать возможности, что в настоящем деле могло иметь место существенное нарушение национального законодательства" (пункт 50 постановления).

Европейский Суд подчеркнул, что "право первой заявительницы было аннулировано, так как сделка, в результате которой квартира была приватизирована третьими лицами, являлась мошеннической... [О]пределение условий и процедур, на основании которых происходит отчуждение государственных активов в пользу частных лиц, по мнению государства имеющих на это право, и контроль соблюдения этих условий относится к исключительной компетенции государства. К исключительной компетенции государства также относится легализация передачи права собственности на квартиру посредством процедуры регистрации, специально разработанной для обеспечения дополнительной безопасности приобретателя права. При наличии такого большого количества управляющих органов, предоставивших разрешение на передачу права собственности на квартиру, в обязанности первой заявительницы или третьих лиц не входила оценка риска лишения права собственности в связи с недостатками, которые должны были быть исключены посредством процедур, специально для этого разработанных. Заблуждение властей не может оправдать последующее наказание первой заявительницы" (пункт 53 постановления).

Суд отметил, что "первая заявительница была лишена права на квартиру без материальной компенсации, и что государство не предложило ей жилья взамен. В отношении довода Властей, что убытки заявительницы могли бы быть возмещены, если бы она подала иск к продавцам квартиры о возмещении убытков, Суд признает, что данная возможность ей доступна. Вместе с тем, в конкретных обстоятельствах данного дела ясно, что возмещение убытков нельзя перенести на более поздний срок, что касается лица, допустившего мошенничество, так как уголовное расследование длится с 2006 года, а лицо, причастное к совершению преступления, не установлено. С учетом того, что рассматриваемые события произошли в 2004 году, шансов установить лицо, причастное к совершению преступления, на данном этапе практически нет. Довод Властей может толковаться только в качестве предположения того, что заявительница переложит свое чрезмерное индивидуальное бремя на других добросовестных приобретателей квартиры, и Суду сложно понять, как это поможет улучшить баланс между общественным интересом и необходимостью защищать права физических лиц" (пункт 55 постановления).

Европейский Суд пришел к выводу, что "государственные власти не обеспечили надлежащую экспертную оценку в отношении законности операций с недвижимым имуществом и проверить наличие противоречащих интересов в отношении недвижимого имущества. Вместе с тем, первая заявительница не должна нести риска пересмотра права собственности на квартиру в результате бездействия органов государственной власти при

проведении процедур, направленных на предотвращение мошеннических действий при регистрации сделок с объектами недвижимого имущества... [О]шибки или упущения со стороны органов государственной власти должны толковаться в пользу потерпевших лиц. Другими словами, ответственность за последствия ошибки государственного органа должно нести государство, и эти упущения нельзя исправлять за счет лиц, чьи интересы они затрагивают... [Л]ишение первой заявительницы права собственности на квартиру и передача права собственности на квартиру городу Москве являлись для заявительницы непропорциональным и чрезмерным бременем... Соответственно, по настоящему делу было допущено нарушение статьи 1 Протокола N 1 к Конвенции (пункты 56 - 57 постановления).

См. также поступившие в Верховный Суд Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека, содержащие констатацию нарушения статьи 1 Протокола N 1 к Конвенции, выразившееся в непропорциональном вмешательстве в имущественные права заявителей ввиду вынесения судами решений об аннулировании регистрации права собственности заявителей - добросовестных приобретателей на квартиры, истребовании квартир из их владения, признании права собственности публично-правовых образований на спорное недвижимое имущество и выселении из него заявителей.

Постановление по жалобе N 49529/10 "Николаевы против России" (вынесено и вступило в силу 6 июня 2017 г.); N 31788/06 "Аленцева против России" (вынесено 17 ноября 2016 г., вступило в силу 24 апреля 2017 г.); N 75737/13 "Андрей Медведев против России" (вынесено 13 сентября 2016 г., вступило в силу 13 декабря 2016 г.); N 59391/12 "Анна Попова против России" (вынесено 4 октября 2016 г., вступило в силу 4 января 2017 г.); N 50775/13 "Кириллова против России" (вынесено 13 сентября 2016 г., вступило в силу 30 января 2017 г.); N 7359/14, 69173/14 "Лунина и Мухамедова против России" (вынесено и вступило в силу 13 июня 2017 г.); N 47724/07, 58677/11, 2920/13, 3127/13 и 15320/13 "Пчелинцева и другие против России" (вынесено 17 ноября 2016 г., вступило в силу 24 апреля 2017 г.); N 63508/11 "Ноняева и другие против России" (вынесено 17 ноября 2016 г., вступило в силу 24 апреля 2017 г.); N 20578/08, 21159/08, 22903/08, 24519/08, 24728/08, 25084/08, 25558/08, 25559/08, 27555/08, 27568/08, 28031/08, 30511/08, 31038/08, 45120/08, 45124/08, 45131/08, 45133/08, 45141/08, 45167/08 и 45173/08 "Томина и другие против России" (вынесено 1 декабря 2016 г., вступило в силу 24 апреля 2017 г.); N 18561/10 "Клименко против России" (вынесено и вступило в силу 2 мая 2017 г.); N 59291/13, 14636/14 и 14582/15 "Зимонин против России" (вынесено и вступило в силу 16 мая 2017 г.).

В сфере социально-трудовых отношений

Практика договорных органов ООН

Комитет по ликвидации расовой дискриминации

Сообщение: Лоран Габр Габарум против Франции. Мнение N 52/2012. Мнение принято Комитетом по ликвидации расовой дискриминации (далее - Комитет) 10 мая 2016 г.

Тема сообщения: дискриминация в сфере доступа к занятости, право на равенство перед судами и другими органами, отправляющими правосудие, эффективная защита и эффективные средства правовой защиты от акта расовой дискриминации, перенос бремени доказывания.

Вопрос существа: дискриминация по признаку национальной или этнической принадлежности, перенос бремени доказывания.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: <10> Комитет принимает к сведению позицию автора, согласно которой работодатель должен был доказать, что он не опирался на какой-то незаконный критерий для оправдания иного обращения с автором по сравнению с его коллегами. Комитет в этой связи напоминает, что от предполагаемых жертв расовой дискриминации не требуется доказывать дискриминационные намерения в их отношении <11>. В данном случае Комитет отмечает указание апелляционного суда на то, что именно автор должен был доказывать факт недоброжелательного отношения к нему любыми средствами, в том числе путем необходимого сравнения его профессионального положения с положением других. Комитет принимает также к сведению жалобу автора, согласно которой в ходе процесса во внутренних судах, в том числе в апелляционном суде, он представил элементы доказательства, свидетельствующие о применении к нему дискриминационной практики, и что, соответственно, он выполнил свое обязательство представить информацию, необходимую для переноса бремени доказывания. Комитет считает, что тот факт, что суды, в частности апелляционный суд, настоятельно требовали от автора доказать факт наличия дискриминационного намерения, противоречит предусмотренному в Конвенции запрету на любое поведение, имеющее дискриминационные последствия, а также процедуре переноса бремени доказывания, предусмотренной статьей L-1134-1 (прежняя статья L122-45) Трудового кодекса. Поскольку государство-участник само приняло эту процедуру, тот факт, что оно неправильно применяет ее, является нарушением права автора на эффективное средство правовой защиты. Следовательно, Комитет делает вывод, что права автора, предусмотренные в статьях 2 и 6 Конвенции, были нарушены <12> (пункт 7.2 Мнения).

<10> Автор утверждает, что государство-участник нарушило статью 2 Конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации 1965 года, поскольку, по его мнению, Франция не приняла эффективных мер по криминализации всех форм расистского и ксенофобного поведения и по борьбе с наблюдаемой в обществе "Рено" тенденцией к стигматизации и стереотипизации французов африканского происхождения на основании их цвета кожи или их национального или этно-расового происхождения в нарушение принципов Конвенции.

<11> См. Мнение Комитета относительно сообщения N 56/2014, В.С. против Словацкой Республики, 4 декабря 2015 г., пункт 7.4.

<12> См. сообщения В.С. против Словацкой Республики, пункт 7.4, и Ер против Дании, пункт 7.4.

Выводы Комитета: факты... свидетельствуют о нарушении государством-участником статей 2 и 6 Конвенции (пункт 8 Мнения).

В сфере гражданско-процессуальных правоотношений

Практика Европейского Суда по правам человека

См. нижеприводимое постановление Европейского Суда по жалобе N 32013/07 "Попов против России" (вынесено и вступило в силу 19 июля 2016 г.), которым установлено, в том числе, нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (далее - Конвенция) и статьи 1 Протокола N 1 к Конвенции в связи с нарушением права лишённого свободы Попова Б.А. на личное участие в судебных заседаниях по его гражданскому делу в районном и краевом судах и чрезмерно длительным исполнением решения районного суда.

В сфере уголовно-правовых и уголовно-процессуальных отношений

Практика договорных органов ООН

Комитет по правам человека

Сообщение: С.Ш. против Казахстана. Сообщение N 2842/2016. Решение принято Комитетом по правам человека (далее - Комитет) 28 марта 2017 г.

Тема сообщения: справедливое судебное разбирательство, пытки, незаконное содержание под стражей, дискриминация, неприкосновенность частной жизни, голосование и выборы.

Вопрос существа: справедливое судебное разбирательство, пытки, незаконное содержание под стражей.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет отмечает, что большинство событий, описываемых автором, имели место до 30 сентября 2009 г., т.е. до того, как Факультативный протокол вступил в силу для государства-участника. Комитет отмечает, что по критерию *ratione temporis* <13> он не может рассматривать предполагаемые нарушения [Международного пакта о гражданских и политических правах (далее - Пакт)], имевшие место до того, как Факультативный протокол вступил в силу для государства-участника, за исключением случаев, когда такие нарушения продолжают допускаться после вступления в силу или когда последствия нарушений также представляют собой нарушение Пакта <14> или являются продолжением нарушения, допущенного ранее <15>. В этой связи Комитет отмечает относительно части жалобы автора на незаконное досудебное содержание под стражей сына автора И., что соответствующее разбирательство в национальных судах было завершено до 30 сентября 2009 г. Следовательно, Комитет признает эту часть сообщения неприемлемой *ratione temporis* (пункт 4.3 Решения).

<13> "Ввиду обстоятельств, связанных с временем", критерий времени.

<14> См., в частности, сообщения N 1367/2005, Андерсен против Австралии, решение о неприемлемости, принятое 31 октября 2006 г., пункт 7.3; N 1633/2007, Аваданов против Азербайджана, Сообщения, принятые 25 октября 2010 г., пункт 6.2; N 2027/2011, Кушербаев против Казахстана, Решение, принятое 25 марта 2013 г., пункт 8.2.

<15> См. сообщение N 2027/2011, Кушербаев против Казахстана, Решение, принятое 25 марта 2013 г., пункт 8.2.

Комитет отмечает..., что автор не исчерпал внутренние средства правовой защиты в том, что касается незаконного обыска его жилья, поскольку он не подал апелляционную жалобу на соответствующее решение в установленные национальным законодательством сроки и не представил объяснений в этой связи <16>... Комитет отмечает, что соответствующих жалоб в государственные органы страны или в суды не подавал и сын

автора Е. Комитет отмечает., что И. не исчерпал имеющиеся внутренние средства правовой защиты в отношении условий содержания под стражей и права голоса. Следовательно, Комитет признает сообщение в этой части неприемлемым на основании пункта 2 b) статьи 5 Факультативного протокола в связи с неисчерпанием внутренних средств правовой защиты (пункт 4.4 Решения).

<16> См. сообщение N 2135/2012, Ю.З. против Беларуси, Решение, принятое 3 ноября 2016 г., пункт 7.4.

Что касается утверждений автора о пытках И. в период его задержания 12 февраля 2009 г. в отделе полиции, то Комитет отмечает, что эти утверждения были расследованы управлением собственной безопасности и рассмотрены судом, в котором проходило разбирательство. Он отмечает также, что автор никак не прокомментировал итоги расследования или выводы суда. Относительно утверждений автора о неправомерном обращении полиции с И. 10 февраля 2016 г. Комитет отмечает, что автор не предоставил информации, свидетельствующей о том, что государственные органы не провели соответствующего расследования, или информации об итогах проведенного расследования. Соответственно Комитет делает вывод о том, что ему не представлено достаточно материалов в обоснование этих утверждений, и считает сообщение в данной части неприемлемым на основании статьи 2 Факультативного протокола в связи с необоснованностью утверждений (пункт 4.5 Решения).

Комитет отмечает утверждения автора о процессуальных нарушениях в ходе предварительного следствия и судебного разбирательства, а также его утверждения, касающиеся уменьшения срока лишения свободы И. и его досрочного освобождения. Он напоминает, что, как правило, оценка фактов и доказательств по конкретному делу и толкование внутреннего права относятся к компетенции судов государств-участников, если только не может быть установлено, что такая оценка носила явно произвольный характер или была равнозначна отказу в правосудии, либо что суд не исполнил своей обязанности действовать независимо и беспристрастно <17>. В отношении настоящего дела Комитет отмечает, что представленные на его рассмотрение материалы не позволяют сделать вывод о том, что оценка судами доказательств носила явно произвольный характер или равнозначна отказу в правосудии. Соответственно Комитет считает сообщение в этой части недостаточно обоснованным и неприемлемым на основании статьи 2 Факультативного протокола (пункт 4.6 Решения).

<17> См., в частности, сообщения N 1188/2003, Ридл-Риденштайн и др. против Германии, Решение о неприемлемости, принятое 2 ноября 2004 г., пункт 7.3; и N 1138/2002, Аренц и др. против Германии, Решение о неприемлемости, принятое 24 марта 2004 г., пункт 8.6.

Комитет отмечает утверждение автора о том, что И. не присутствовал на заседании суда 26 октября 2009 г. по апелляционной жалобе. Вместе с тем Комитет отмечает, что И. был представлен автором сообщения. Поскольку автор никак не пояснил, каким образом его участие в качестве законного представителя сына лишило И. права на справедливое судебное разбирательство, и с учетом особого характера апелляционного процесса, Комитет считает утверждение автора о том, что отсутствие И. в ходе слушания по его апелляционной жалобе означает, что судебное разбирательство было несправедливым, недостаточно обоснованным и неприемлемым на основании статьи 2 Факультативного протокола (пункт 4.7 Решения).

Выводы Комитета: признать сообщение неприемлемым по статьям 2 и 5 (2) b) Факультативного протокола (пункт 5 Решения).

Сообщение: Дмитрий Тянь против Казахстана. Сообщение N 2125/2011. Соображения приняты Комитетом по правам человека (далее - Комитет) 16 марта 2017 г.

Тема сообщения: право не подвергаться пыткам или жестокому, бесчеловечному или унижающему достоинство обращению; произвольный арест и задержание; условия содержания под стражей; справедливое судебное разбирательство.

Вопрос существа: пытки; оперативное и беспристрастное расследование; произвольный арест и задержание; справедливое судебное разбирательство; правовая помощь; право на судебное рассмотрение дела в своем присутствии.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет принимает к сведению, что утверждения о пытках, выдвинутые автором, относятся к событиям, имевшим место 22 октября 2008 г. и с 25 по 27 октября 2008 г., когда он допрашивался полицейскими сотрудниками соответственно в качестве свидетеля и подозреваемого. Комитет отмечает претензию автора на то, что, поскольку с утра 23 октября 2008 г. он находился под полицейским надзором, он не мог увидеться с медицинским экспертом на предмет обследования после перенесенных им избиений. Комитет также отмечает, исходя из материалов, имеющихся у него в наличии, что 24 и 30 октября 2008 г. автор был обследован медицинскими экспертами, которые не нашли у него на теле никаких следов и не получили от автора никаких жалоб. Автор не оспаривает независимость медицинских экспертов.

Комитет также отмечает утверждения автора о том, что расследование его жалоб на пытки со стороны полицейских сотрудников 22 октября 2008 г. не было эффективным. В этом отношении Комитет отмечает, что 9 февраля 2009 г. прокуратура Астаны отменила решение Управления внутренних дел от 29 декабря 2008 г. не возбуждать уголовное расследование против полицейских сотрудников, которые предположительно пытали автора. Комитет отмечает, что резоны, указанные прокуратурой, включают неспособность следователей идентифицировать и допросить ряд возможных свидетелей, упомянутых автором. 16 марта 2009 г. после дополнительного расследования Управление внутренних дел отказало в возбуждении уголовного расследования. Комитет отмечает, однако, что решение Управления внутренних дел от 16 марта 2009 г. идентично его решению от 29 декабря 2008 г. и не содержало информации о любых принятых дополнительных следственных мерах. Комитет отмечает доводы отечественных ведомств о том, что утверждения автора о пытках и результаты расследования были рассмотрены судом первой инстанции. Государство-участник, однако, не представило никаких документов в подкрепление своих доводов. Исходя из имеющейся у него информации, Комитет отмечает, что суд первой инстанции не только не рассмотрел утверждения автора о пытках, но и мешал автору говорить о них перед лицом присяжных. В свете вышеизложенного Комитет констатирует, что в силу отсутствия эффективного расследования его утверждений о пытках имело место нарушение прав автора по пункту 3 статьи 2 в сочетании со статьей 7 Пакта (пункт 9.2 Соображений).

Комитет отмечает претензию автора на то, что ему было отказано в праве на участие в слушаниях апелляционного суда 10 ноября 2009 г. В этом отношении Комитет отмечает, что автор ходатайствовал о личном присутствии в суде, а суд, отклоняя его письменный запрос, следовал отечественному закону <18>. Комитет... отмечает, что на апелляционных слушаниях автор был представлен четырьмя адвокатами и по крайней мере двое из этих адвокатов представляли его на всем протяжении уголовного разбирательства против него. Комитет находит,... что к настоящему делу применим пункт 3 d) статьи 14, поскольку суд в апелляционном производстве рассматривает дело и с точки зрения факта и с точки зрения права и производит новую оценку по проблеме виновности или невиновности. Комитет напоминает, что пункт 3 d) статьи 14 Пакта требует, чтобы обвиняемые имели право присутствовать в ходе суда над ними, и разбирательства в отсутствие обвиняемых позволительны, только если это отвечает интересам надлежащего отправления правосудия или когда обвиняемые, будучи достаточно заблаговременно уведомлены о разбирательстве, отказываются осуществлять свое право на присутствие <19>. Соответственно, в отсутствие адекватного разъяснения со стороны государства-участника Комитет считает, что имеющиеся у него факты вскрывают нарушение пункта 3 d) статьи 14 Пакта. Ввиду этого заключения Комитет постановляет не рассматривать претензии автора по пункту 5 статьи 14 Пакта (пункт 9.3 Соображений).

<18> Согласно пункту 2 статьи 408 Уголовно-процессуального кодекса, присутствие осужденного на слушаниях в суде второй инстанции возможно, только если прокурор требует для этого лица более тяжкого наказания.

<19> См. Замечание общего порядка N 32 (2007) Комитета о праве на равенство перед судами и трибуналами и на справедливое судебное разбирательство, пункт 36.

Комитет далее отмечает претензию автора на то, что суд первой инстанции принял в качестве доказательств его вынужденные признания. Он... отмечает заявление государства-участника о том, что доказательства, рассмотренные судом, были получены законным образом и приняты судом как допустимые. В этом отношении Комитет отмечает, что, как указывает информация в материалах дела, суд первой инстанции не рассматривал то, как полицейскими сотрудниками были получены четыре признания. Ничто в материалах дела не указывает на то, что суд учел, что, когда автор писал признания, он находился под полицейским контролем в центре содержания под стражей и что, поговорив со своими адвокатами, он отрекся от признаний. В этом свете Комитет заключает, что были нарушены права автора по пункту 1 и по пункту 3 g) статьи 14 Пакта (пункт 9.4 Соображений).

Выводы Комитета: информация... вскрывает нарушение государством-участником прав автора по пункту 3 статьи 2, рассматриваемой в сочетании со статьей 7 Пакта, и по пункту 1 и пунктам 3 d) и g) статьи 14 Пакта (пункт 10 Соображений).

Комитет против пыток <20>

<20> Комитет против пыток действует на основании Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания от 10 декабря 1984 г. Российская Федерация является участником указанного международного договора и в качестве государства - продолжателя Союза ССР признает компетенцию Комитета получать и рассматривать сообщения лиц, находящихся под его юрисдикцией, которые утверждают, что они являются жертвами нарушения государством-участником положений Конвенции.

Сообщение: Эннаама Асфари против Марокко. Решение N 606/2014. Решение принято Комитетом против пыток (далее - Комитет) 15 ноября 2016 г.

Тема сообщения: пытки во время содержания под стражей.

Вопрос существа: жестокие, бесчеловечные или унижающие достоинство виды обращения и наказания; обязательство государства-участника проводить беспристрастное расследование; запрет использования в качестве доказательства показаний, полученных под пытками; защита от всех форм запугивания за сообщение об актах пыток.

Правовые позиции Комитета: любое лицо, лишенное свободы, должно иметь возможность пользоваться оперативной и независимой юридической и медицинской помощью и должно быть в состоянии связаться со своей семьей в целях предупреждения пыток <21> (пункт 13.2 Решения).

<21> Замечание общего порядка N 2 (2007) об имплементации статьи 2 государствами-участниками.

[В] статье 13 [Конвенции] предусмотрено также, что каждое государство-участник должно принимать меры по обеспечению защиты истца и свидетелей от любых форм плохого обращения или запугивания в связи с его жалобой или любыми свидетельскими показаниями (пункт 13.6 Решения).

[В]озмещение должно непременно охватывать весь нанесенный ущерб и включать реституцию, компенсацию, а также меры, призванные гарантировать невозможность повторения нарушений, при обязательном учете обстоятельств каждого дела <22> (пункт 13.5 Решения).

<22> См. Бендиб против Алжира, пункт 6.7.

Конвенции обусловлена абсолютным запретом пыток и поэтому предполагает обязательство каждого государства-участника проверять, не были ли заявления, используемые в рамках находящегося в его компетенции разбирательства, получены с применением пыток <23> (пункт 13.8 Решения).

<23> См. сообщения N 419/2010, Ктити против Марокко, Решение, принятое 26 мая 2011 г., пункт 8.8; и N 193/2001, П.Е. против Франции, Решение, принятое 21 ноября 2002 г., пункт 6.3.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет отмечает утверждение заявителя о том, что физическое насилие, которому он подвергся во время ареста, допроса в полицейском участке, а затем в жандармерии в Эль-Аюне, а также обращение с ним во время его перевозки самолетом в целях получения от него признаний представляют собой акты пытки по причине их тяжести. Комитет отмечает, что в ходе слушаний его дела 12 ноября 2010 г., 12 января 2011 г. и 12 августа 2011 г. заявитель жаловался на обращение, которому он подвергся, однако следственный судья не принял во внимание его утверждения и травмы и не запросил проведения медицинского освидетельствования. Комитет также принимает к сведению утверждения заявителя о том, что такое насилие, ставшее причиной его мучительных страданий на протяжении нескольких месяцев, представляет собой нарушение статьи 1 Конвенции. Комитет отмечает..., что согласно замечаниям государства-участника в ходе упомянутых слушаний ни заявитель, ни его адвокат не пожаловались на применение пыток. Принимая во внимание тот факт, что, по словам заявителя, он не получил доступа ни к одной из этих гарантий, и при отсутствии убедительной информации со стороны государства-участника, ставящей под сомнение эти утверждения, Комитет считает, что, согласно представленным данным, физическое насилие и травмы, которым подвергся заявитель во время его ареста, допроса и содержания под стражей, представляют собой пытку по смыслу статьи 1 Конвенции (пункт 13.2 Решения).

Комитету предстоит также определить, является ли тот факт, что судебные власти не начали расследования по представленным им заявителем утверждениям о пытках, нарушением государством-участником его обязательств по статье 12 Конвенции. Комитет принимает к сведению утверждения заявителя о том, что он 12 ноября 2010 г., имея на лице видимые признаки пытки, следы побоев и кровь, предстал перед военным следственным судьей, который не зафиксировал эти факты в протоколе; впоследствии заявитель недвусмысленно сообщал о пытках, которым он подвергся, следственному судье 12 января и 12 августа 2011 г.; те же утверждения прозвучали в военном трибунале в присутствии Прокурора; и ни разу Прокурор не начал немедленного расследования. Комитет отмечает довод заявителя о том, что подача жалобы в Кассационный суд не может считаться полезным и эффективным средством правовой защиты, поскольку Суд выносит решение о правовой стороне и на основании материалов переданного ему дела, а именно деяний, в совершении которых обвиняют заявителя. Комитет отмечает также доводы государства-участника о том, что заявитель не выдвигал

утверждений и не ставил вопроса о применении пыток перед компетентными властями. Он отмечает, что 27 июля 2016 г. Кассационный суд принял решение по ходатайству, поданному заявителем и другими осужденными по этому делу в феврале 2013 года, о передаче дела в Апелляционный суд Рабата по гражданским делам. Комитет также принимает к сведению информацию, представленную государством-участником 4 ноября 2016 г., согласно которой слушания дела заявителя в Апелляционном суде были назначены на 26 декабря 2016 г. Кроме того, Комитет отмечает, что, согласно поступившей к нему информации, предмет кассационной жалобы, которая рассматривалась на протяжении более трех лет, заключался в оценке правильности применения марокканских правовых норм в такого рода деле и не касается утверждений о применении пыток, которые являются предметом рассмотрения настоящей жалобы и по которым в течение почти шести лет не начато никакого расследования. Кроме того, имеющаяся информация не позволяет ему сделать вывод о том, что Рабатский апелляционный суд будет вправе выносить решения по выдвинутым заявителем утверждениям в применении пыток, в частности потому, что Апелляционному суду не было дано никаких указаний по проведению расследований в отношении утверждений о применении пыток. Имеющаяся в распоряжении Комитета информация свидетельствует о том, что Кассационный суд вернул дело в Апелляционный суд, чтобы тот вновь принял по нему решение, в силу того, что военный трибунал не представил явных доказательств того, что заявитель отдавал приказы или подстрекал какую-либо определенную сторону или лиц к совершению преступных деяний, а также его преступного умысла, что при отсутствии указанных элементов делает решение недействительным. В этих обстоятельствах Комитет считает, что вероятность того, что Апелляционный суд рассмотрит утверждения о применении пыток, весьма мала (пункт 13.3 Решения).

Комитет отмечает также, что запроса о проведении медицинского обследования военный следственный судья так и не сделал, хотя заявитель демонстрировал явные признаки применения физического насилия, и никакого расследования по этому поводу не проводилось. Кроме того, военный трибунал не учел утверждений заявителя о фактах применения пыток при принятии решения о его осуждении, а государство-участник отрицает, что такие утверждения были представлены в ходе разбирательства. Комитет также подчеркивает, что государство-участник весьма значительно превысило разумные сроки для отправления правосудия по этому делу: прошло почти шесть лет после тех событий и представления первых утверждений о пытках, а никакого расследования не было начато. Кассационная жалоба никоим образом не изменила эту ситуацию, и заявитель по-прежнему находится под стражей исключительно на основании его признательных показаний, подписанных по принуждению. В свете вышеизложенного Комитет считает, что отсутствие какого-либо расследования утверждений о применении пыток в деле заявителя несовместимо с обязательством государства-участника согласно статье 12 Конвенции принимать меры к тому, чтобы его компетентные органы проводили быстрое и беспристрастное расследование, когда имеются достаточные основания полагать, что был совершен акт пытки (пункт 13.4 Решения).

В этих обстоятельствах государство-участник также не выполнило своего обязательства по статье 13 Конвенции, в соответствии с которым оно обязано гарантировать заявителю право на предъявление жалобы, предполагающее, что власти надлежащим образом отреагируют на эту жалобу, проведя быстрое и беспристрастное расследование <24>... Комитет отмечает, что заявитель стал объектом угроз в результате иска марокканского Министерства внутренних дел и что его адвокат был арестован и выслан из Марокко в марте 2016 года, когда он должен был представлять своего клиента в ходе разбирательства сообщения об актах пыток, которым тот подвергся. Государство-участник не представило какой-либо информации, которая могла бы опровергнуть эту часть сообщения. Комитет приходит к заключению, что факты по данному делу представляют собой нарушение также и статьи 13 Конвенции (пункт 13.5 Решения).

<24> См. сообщение N 376/2009, Бендиб против Алжира, Решение, принятое 8 ноября 2013 г., пункт 6.6. См. также Паро против Испании, Бланко Абад против Испании и Буабдалла Лтаиф против Туниса.

Что касается утверждений заявителя в связи со статьей 14 Конвенции, то Комитет напоминает о том, что это положение признает право жертвы пыток на справедливую и адекватную компенсацию и налагает на государства-участники обязательство обеспечить получение жертвой соответствующего возмещения за весь нанесенный ущерб... В данном случае Комитет отмечает утверждения заявителя о физических и психологических страданиях от последствий пережитого насилия. Комитет отмечает..., что то обстоятельство, что военный следственный судья не распорядился о проведении медицинского освидетельствования, не позволило заявителю воспользоваться мерами по реабилитации, компенсации, медицинскому уходу и обеспечению гарантий неповторения преступления. Комитет считает, что отсутствие немедленно начатого оперативного и беспристрастного расследования лишило заявителя возможности воспользоваться своим правом на компенсацию в нарушение статьи 14 Конвенции <25> (пункт 13.6 Решения).

<25> См. сообщение N 514/2012, Нийонзима против Бурунди, Решение, принятое 21 ноября 2014 г., пункт 8.6.

Заявитель утверждает..., что он является жертвой нарушения статьи 15 Конвенции по причине его осуждения на основании признательных показаний, полученных под пыткой. Комитет отмечает утверждение заявителя о том, что он ни в чем не признавался, а был принужден подписать документ неизвестного ему содержания (пункт 13.7 Решения).

Комитет отмечает, что, по мнению заявителя, признания, которые он подписал под пыткой, использовались в качестве основания для его обвинения и оправдания его содержания под стражей на протяжении более шести лет; и что через своего адвоката он на различных этапах разбирательства по его делу безуспешно пытался оспорить доказательственную силу признательных показаний, подписанных им под пыткой. Комитет отмечает также, что суд не принял во внимание утверждений заявителя о применении пыток во время его осуждения на основании его признаний и отрицает, что эти утверждения были представлены в ходе разбирательства <26>. Комитет считает, что государство-участник было обязано проверить содержание утверждений заявителя. Не предприняв никаких проверок и используя такие показания в ходе судебного разбирательства против заявителя, государство-участник явно нарушило свои обязательства по статье 15 Конвенции. В связи с этим Комитет напоминает, что в своих заключительных замечаниях по четвертому периодическому докладу о Марокко (см. CAT/C/MAR/CO/4, пункт 17) он выразил обеспокоенность в связи с тем, что согласно сложившейся в государстве-участнике следственной практике признательные показания зачастую служат доказательствами, на основании которых можно возбудить преследование в отношении какого-либо лица и вынести обвинительный приговор, что создает предпосылки для применения пыток и жестокого обращения по отношению к подозреваемым <27> (пункт 13.8 Решения).

<26> Эти сообщения были сделаны в присутствии свидетелей и зафиксированы в протоколах, которые заявитель приобщил к своему сообщению в Комитет. Тем не менее просьба адвоката заявителя, обращенная к военному следственному судье в ходе судебного слушания 8 февраля 2013 г., по возможности допросить составителей протоколов допросов с целью выяснения обстоятельств получения признательных показаний была отклонена.

<27> См. сообщение N 503 2012, Нтикараера против Бурунди, Решение, принятое 12 мая 2014 г., пункт 6.6. См. также Нийонзима против Бурунди, пункт 8.8.

Касаясь жалобы на несоблюдение статьи 16 Конвенции, Комитет принимает к сведению утверждение заявителя о том, что обращение, которому его подвергали в ходе судебного разбирательства, включая антисанитарные условия его содержания под стражей в течение первых месяцев пребывания в тюрьме Сале в Рабате, равносильно бесчеловечному и унижающему достоинство обращению. Комитет... принимает к сведению утверждения о том, что заявитель провел ночь, прикованный наручниками к большой двери, обрамленной стальной решеткой, охранники пинали его ногами и оскорбляли всякий раз, когда он хотел поменять позу, а его доступ к врачу, адвокату и жене был ограничен в течение нескольких недель. Заявитель... утверждает, что начиная с 18 ноября 2010 г. был помещен в одиночную камеру на четыре месяца и в течение трех месяцев оставался в камере без разрешения на прогулку, имея возможность общаться с другими заключенными только через окно. Не имея какой бы то ни было соответствующей информации от государства-участника по этому вопросу, Комитет приходит к выводу, что представленные факты указывают на нарушение государством-участником своих обязательств по статье 16 Конвенции <28> (пункт 13.9 Решения).

<28> См. Нийонзима против Бурунди, пункт 8.8.

Выводы Комитета: факты свидетельствуют о нарушении государством-участником статей 1 и 12 - 16 Конвенции (пункт 14 Решения).

Право на свободу и личную неприкосновенность

Практика Европейского Суда по правам человека

Постановление Европейского Суда по жалобам N 35919/05 и N 3346/06 "Бирулев и Шишкин против России" (вынесено 14 июня 2016 г., вступило в силу 14 сентября 2016 г.), которым отклонена жалоба заявителей на пункт 1 статьи 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (далее - Конвенция) в связи с якобы имевшим место необоснованным содержанием под стражей.

Вместе с тем, установлено нарушение пункта 1 статьи 5 Конвенции в связи с незаконным задержанием Шишкина М.М. и Бирулева А.В. сотрудниками органов внутренних дел в отсутствие надлежащей регистрации задержания.

Одновременно исключена из списка подлежащих рассмотрению дел жалоба Шишкина М.М. на необеспечение ему надлежащих условий содержания следственном изоляторе и ненадлежащим рассмотрением

жалоб заявителя на постановление о заключении под стражу в связи с принятием условий односторонней декларации российских властей.

Российские власти "признали нарушение статьи 3 и пункта 4 статьи 5 Конвенции в связи с бесчеловечными и унижающими условия его [Шишкина М.М.] содержания в следственном изоляторе... и в связи с чрезмерно длительным пересмотром... постановления о задержании... и заявили о своей готовности выплатить ему 6 415 евро в качестве справедливой компенсации. Кроме того, они просили Суд исключить жалобу из списка подлежащих рассмотрению дел согласно статье 37 Конвенции" (пункт 35 постановления).

Заявитель "отклонил предложение Властей, посчитав предлагаемую ему сумму слишком низкой, и настаивал на рассмотрении других его жалоб" (пункт 36 постановления).

Европейский Суд установил, что "Власти не оспаривают конкретные утверждения, выдвинутые вторым заявителем, и недвусмысленно признают факт нарушения статьи 3 и пункта 4 статьи 5 Конвенции, о которых тот утверждает... Что же касается предполагаемого возмещения, которое должно быть представлено второму заявителю, Власти обязались выплатить ему 6 415 евро в качестве компенсации материального ущерба и морального вреда, а также судебных расходов и издержек... [П]редложенная сумма примерно соответствует той, которая была бы присуждена [Европейским Судом] за те же нарушения Конвенции" (пункты 40 - 41 постановления).

Суд пришел к выводу о необходимости "исключить данную жалобу из списка подлежащих рассмотрению дел в части бесчеловечных и унижающих достоинство условий содержания второго заявителя под стражей... и в части чрезмерно длительного судебного пересмотра постановления о заключении под стражу" (пункт 44 постановления).

Оба заявителя также жаловались на то, что их задержание и первоначальное заключение под стражу в качестве подозреваемых было несовместимо с пунктом 1 статьи 5 Конвенции.

В отношении первого заявителя, Суд установил, что "20 июня 2005 г. приблизительно между 3:00 и 18:00 часами первый заявитель находился под контролем сотрудников милиции без надлежащего оформления данного задержания" (пункт 51 постановления).

Что касается Шишкина М.М., Суд отметил, что "второй заявитель продолжал находиться в отделении милиции в течение не менее восьми часов без составления какого-либо протокола задержания или официального признания его процессуального статуса" (пункт 52 постановления).

Суд также установил, что "11 апреля 2005 г. второй заявитель находился на охраняемой территории отделения милиции, по крайней мере, с 15:10 до момента его заключения под стражу, которое произошло примерно в 23:35 часа, когда он был допрошен и подвергнут применению других процессуальных мер. Действительно, было бы нереалистично полагать, что в течение этого периода он мог по своей воле покинуть отделение милиции" (пункт 54 постановления).

Европейский Суд также отметил, что "утверждение Властей о том, что второй заявитель находился в отделении милиции в качестве свидетеля, представляется не заслуживающим доверия. Преступление было совершено неизвестными лицами, однако Власти не привели никаких объяснений относительно того, почему второй заявитель был доставлен в отделение милиции вскоре после возбуждения уголовного дела. Равным образом, Власти не пояснили, почему он незамедлительно подвергся ряду процессуальных мер, в частности, процедуре опознания. По мнению Суда, представляется очевидным, что с момента его задержания и до составления протокола задержания 11 апреля 2005 г. в 23:35 второй заявитель де-факто рассматривался сотрудниками милиции в качестве подозреваемого. Таким образом, Суд приходит к выводу, что его пребывание в отделении милиции в период с 15:10 до 23:35 11 апреля 2005 г. представляло собой лишение свободы" (пункт 55 постановления).

Суд напомнил, что "отсутствие протокола задержания или постановления о заключении под стражу применительно к сроку лишения свободы само по себе должно считаться серьезным упущением... [Н]егласное содержание лица под стражей является полным отрицанием фундаментальных гарантий, содержащихся в статье 5 Конвенции, а также представляет собой наиболее серьезное нарушение данного положения. Отсутствие записей о задержании с указанием даты, времени и места задержания, фамилии задержанного, а также причин задержания и фамилии лица, производившего задержание, следует считать несовместимым с самой целью статьи 5 Конвенции" (пункт 56 постановления).

Европейский Суд установил, что "[х]отя в случае с обоими заявителями протоколы задержания в конечном итоге и были составлены, указанные в них даты и время задержания заявителей расходились с фактическими датами и временем их задержания. Содержание заявителей под стражей в отделениях милиции... не было зарегистрировано либо признано в какой-либо процессуальной форме. Тот факт, что их задержание не было должным образом оформлено, достаточен для того, чтобы Суд посчитал, что их задержание... противоречило требованиям, выраженным косвенным образом в статье 5 Конвенции в отношении надлежащей регистрации

фактов лишения свободы" (пункт 57 постановления).

Что касается второго заявителя, Суд также отметил, что "положения как Конституции Российской Федерации (статья 22), так и УПК РФ (статьи 10, 92, 94 и 108) требуют вынесения судебного решения для любого содержания под стражей сверх сорока восьми часов с момента фактического задержания, который должен быть точно отражен в протоколе задержания. В настоящем деле постановление о заключении под стражу было вынесено городским судом в 18:25 13 апреля 2005 г., то есть в течение сорока восьми часов с момента подготовки протокола задержания в 11:35 11 апреля 2005 г." (пункт 58 постановления).

Однако Суд указал на то, что "в протоколе задержания указано неверное время фактического задержания второго заявителя, и к тому времени, когда его заключение под стражу было надлежащим образом оформлено, он уже находился под стражей в отделении милиции в течение более трех часов. Городской суд был проинформирован об этом факте стороной защиты, но не стал его рассматривать при вынесении постановления о заключении под стражу, и не принял его во внимание каким-либо иным образом. Отсюда следует, что постановление о заключении под стражу не соответствовало процедуре, предусмотренной УПК РФ, и поэтому являлось незаконным" (пункт 59 постановления).

Европейский Суд заключил, что "отсутствие надлежащей регистрации факта лишения второго заявителя свободы 11 апреля 2005 г., и, следовательно, несоблюдение установленного законом срока для санкционирования такого заключения под стражу по решению суда, противоречило гарантии "законности", предусмотренной статьей 5 Конвенции. Следовательно, имело место нарушение данной статьи" (пункт 60 постановления).

В отношении законности постановлений о заключении под стражу, Суд отметил, что "по настоящему делу заявителя были заключены под стражу до предъявления им обвинений... [О]дна лишь ссылка на "исключительные обстоятельства" как на единственное основание для досудебного содержания под стражей лица, подозреваемого в совершении уголовного преступления, но которому пока не предъявлено обвинение, рассматривается Судом как расплывчатая и непредсказуемая, что приводит к возможности беспрепятственно действовать на свое усмотрение и к произволу" (пункт 66 постановления).

Суд подчеркнул, что "[с]татья 100 УПК РФ ясно дает понять, что лицо, подозреваемое в совершении уголовного преступления, может быть заключено под стражу лишь в случае наличия оснований, четко изложенных в статье 97, а также с учетом обстоятельств, перечисленных в статье 99 УПК РФ... Таким образом, статью 100 УПК РФ следует толковать в контексте данных положений, равно как и статью 108 УПК РФ, в которой содержатся общие положения, касающиеся возможности содержания подозреваемых и обвиняемых под стражей" (пункт 67 постановления).

Что касается первого заявителя, Европейский Суд отметил, что "районный суд, базировал свою оценку на риске того, что первый заявитель, ранее осужденный за угон автомобиля, продолжит заниматься преступной деятельностью, на том основании, что он был задержан за рулем угнанного автомобиля лишь спустя три дня после условно-досрочного освобождения" (пункт 69 постановления).

Что касается второго заявителя, Суд подчеркнул, что "национальные суды ссылались в основном на то обстоятельство, что он был опознан потерпевшей, и что к тому моменту не все преступники были найдены. В обоих случаях национальные суды также приняли во внимание тот факт, что заявители являлись безработными и уже имели судимость" (пункт 69 постановления).

Европейский Суд отметил, что "в том случае, если бы задержание заявителей основывалось исключительно на тяжести преступлений, которые они якобы совершили, законность их содержания под стражей могла бы быть поставлена под сомнение" (пункт 69 постановления).

Суд также напомнил, что "отсутствие явной ссылки на определенные положения национального законодательства или использование определенных терминов само по себе не означает, что постановление о заключении под стражу является незаконным" (пункт 70 постановления).

Кроме того, Суд отметил, что "областной суд отдельно рассмотрел довод второго заявителя о том, что термин "исключительные обстоятельства", содержащийся в статье 100 УПК РФ, представляет собой дополнительный критерий, который должен был быть соблюден в отношении задержания подозреваемых (в отличие от обвиняемых). Суд пояснил, что данное выражение должно было подчеркнуть особенность ситуации заключенного под стражу подозреваемого в отличие от обвиняемого, в том смысле, что вышеуказанная мера пресечения должна автоматически отменяться в том случае, если подозреваемому не будут предъявлены обвинения в течение установленного законом десятидневного срока... Суд не усматривает оснований для сомнения в толковании соответствующего положения национальными судами; кроме того, Суд также не усматривает каких-либо элементов, демонстрирующих, что власти действовали недобросовестно или пренебрегли надлежащим применением соответствующего законодательства" (пункт 71 постановления).

Европейский Суд пришел к выводу, что "ничто в настоящем деле не демонстрирует, что применение

соответствующего национального законодательства в делах заявителей являлось настолько произвольным или необоснованным, что привело к незаконности их заключения под стражу... Соответственно, нарушения пункта 1 статьи 5 Конвенции по настоящему делу допущено не было" (пункты 72 - 73 постановления).

Постановление Европейского Суда по жалобе N 17564/06 "Садретдинов против России" (вынесено 24 мая 2016 г., вступило в силу 24 августа 2016 г.), которым установлено нарушение статьи 3 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (далее - Конвенция) в связи с необеспечением Садретдинову Ф.Х. надлежащей медицинской помощи в следственном изоляторе, пункт 3 и пункт 4 статьи 5 Конвенции - в связи с необоснованно длительным содержанием заявителя под стражей, а также ненадлежащим рассмотрением его жалобы на постановления о заключении под стражу.

Одновременно исключена из списка дел, подлежащих рассмотрению, жалоба заявителя на необеспечение ему надлежащих условий содержания в следственном изоляторе Москве и чрезмерную длительность содержания его под стражей в связи с принятием условий односторонней декларации властей.

Заявитель жаловался на нарушения статьи 3 конвенции в связи с условиями содержания под стражей, а также пункта 3 статьи 5 конвенции в связи с необоснованным содержанием под стражей. Власти представили свою одностороннюю декларацию с целью разрешения вопросов, касающихся названных нарушений. Заявитель не ответил на предложение властей.

Европейский Суд был удовлетворен тем, что "власти не оспаривали эту часть утверждений заявителя и открыто признали нарушение статьи 3 в связи с условиями его содержания под стражей, а также пункта 3 статьи 5 Конвенции в связи с его предварительным заключением под стражу во время второго раунда слушаний по уголовному делу против него" (пункт 53 постановления).

Власти также обязались выплатить заявителю 4 400 (четыре тысячи четыреста) евро в качестве справедливой компенсации. Европейский Суд отметил, что "предлагаемая сумма не является необоснованной по сравнению с суммами, присуждаемыми Европейским Судом в аналогичных делах" (пункт 54 постановления).

Суд заключил, что "будет целесообразным прекратить производство по части жалобы, касающейся бесчеловечных и унижающих достоинство условий содержания заявителя под стражей в следственном изоляторе... и отсутствия соответствующих и достаточных оснований для его содержания под стражей в ходе предварительного следствия" (пункт 57 постановления).

Заявитель также утверждал, ссылаясь на статью 3 Конвенции, что не получал надлежащей медицинской помощи во время нахождения под стражей.

Суд установил, что "записи в медицинской карте заявителя, сделанные фельдшером следственного изолятора, были неполными и не отражали фактическое состояние здоровья заявителя" (пункт 72 постановления).

Европейский Суд отметил, что "при своем поступлении в следственный изолятор заявитель сообщил медицинским работникам о своей инвалидности... Однако, это не заставило администрацию следственного изолятора выяснить причину инвалидности; также это не побудило их запросить прежнюю информацию о состоянии здоровья заявителя несмотря на тот факт, что это было явно рекомендовано сделать... Заявитель был помещен в обычный следственный изолятор. На протяжении нескольких месяцев после задержания заявителя состояние его здоровья находилось под наблюдением, в основном, фельдшера следственного изолятора, который по неизвестным причинам абсолютно игнорировал состояние здоровья заявителя... [Х]отя записи, сделанные врачами скорой помощи, были приложены к медицинской карте заявителя, медицинские работники следственного изолятора не приняли содержание этих записей во внимание" (пункт 73 постановления).

Европейский Суд заключил, что "серьезное упущение российских властей в том, что они не выявили потребности заявителя в медицинской помощи и не предоставили ему медицинскую помощь соответствующего уровня во время его содержания под стражей. В результате неспособность властей предоставить заявителю медицинскую помощь, в которой он нуждался, подвергла его длительным психологическим и физическим страданиям, унижающим его человеческое достоинство. Эта неспособность властей представляла собой бесчеловечное и унижающее достоинство обращение по смыслу статьи 3 Конвенции" (пункт 75 постановления).

Заявитель также жаловался на то, что длительность его содержания под стражей в ходе предварительного следствия не соответствовала требованию "разумного срока", установленного в пункте 3 статьи 5 Конвенции. Рассматриваемый период составляет более одиннадцати месяцев.

Суд напомнил, что "[в]сякий раз, выявляя нарушение пункта 3 статьи 5 Конвенции, Европейский Суд отмечал слабость аргументации российских судов, распорядившихся о продлении срока содержания заявителей под стражей. От дела к делу он указывал на следующие основные недостатки в аргументации судов: ссылку на тяжесть обвинений как на основное оправдание вероятности того, что заявитель скроется от правосудия;

подозрение в отсутствие какой-либо доказательной базы в том, что заявитель может воздействовать на свидетелей или использовать свои связи в государственных органах для препятствования отправлению правосудия; неспособность тщательно изучить возможность применения другой, менее суровой меры пресечения, такой как освобождения под залог; а также совместное продление срока содержания под стражей заявителя и его сообщников без надлежащего рассмотрения личных обстоятельств каждого из обвиняемых" (пункт 84 постановления).

Европейский Суд отметил, что в настоящем деле "российские суды... постоянно ссылались на тяжесть предъявленных обвинений и вероятность того, что заявитель скроется или будет препятствовать отправлению правосудия, основывая свои опасения на тех же предположениях, что и в делах, ссылки на которые приведены выше... [П]ри принятии доводов следствия о том, что заявитель способен уклониться от правосудия или воспрепятствовать ему, суды не уделяли внимания важным и насущным обстоятельствам, поддерживающим ходатайства заявителя об освобождении и снижающим вероятность того, что он скроется от правосудия или вступит в сговор. Такие обстоятельства... включали в себя слабое здоровье заявителя, его сильные связи с сообществом и отсутствие каких-либо доказательств того, что он когда-либо пытался связаться с жертвами или свидетелями в ходе разбирательства по уголовному делу. В данных обстоятельствах Европейский Суд не может не сделать вывод о том, что российские суды не оценили личную ситуацию заявителя и не привели подтверждающиеся доказательными выводами конкретные обоснования в пользу его содержания под стражей" (пункт 85 постановления).

Суд пришел к выводу, что "не сославшись на конкретные факты, имеющие отношение к делу, или не рассмотрев возможность применения альтернативных "мер пресечения", власти продлевали срок содержания заявителя под стражей по основаниям, которые не могут считаться "достаточными". Таким образом, власти не смогли обосновать продление лишения заявителя свободы почти на один год... Следовательно, имело место нарушение пункта 3 статьи 5 Конвенции в связи с содержанием заявителя под стражей" (пункты 86 - 87 постановления).

Заявитель также жаловался, ссылаясь на пункт 4 статьи 5 Конвенции на ненадлежащее рассмотрение его жалобы на постановления о заключении под стражу.

Европейский Суд установил, что "городской суд отказался рассматривать кассационные жалобы [заявителя], заключив, что они не подлежали обжалованию, так как были вынесены в ходе производства в суде первой инстанции" (пункт 94 постановления)

Суд пришел к выводу, что "было допущено нарушение пункта 4 статьи 5 Конвенции в связи с тем, что кассационные жалобы заявителя на постановления, отказывающие в удовлетворении ходатайств об освобождении, не были рассмотрены" (пункт 95 постановления).

Постановление Европейского Суда по жалобе N 32013/07 "Попов против России" (вынесено и вступило в силу 19 июля 2016 г.), которым установлено нарушение пунктов 1 и 5 статьи 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (далее - Конвенция) в связи с незаконным содержанием Попова Б.А. под стражей в отделении полиции, а также в связи с отказом национальных судов в предоставлении компенсации за соответствующее нарушение.

Установлено также нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции и статьи 1 Протокола N 1 к Конвенции в связи с нарушением права лишеного свободы Попова Б.А. на личное участие в судебных заседаниях по его гражданскому делу в районном и краевом судах и чрезмерно длительным исполнением решения районного суда.

Заявитель жаловался, ссылаясь на статью 5 Конвенции, на незаконность своего содержания под стражей в отделении полиции, а также на то, что национальные суды отклонили его исковое заявление о возмещении вреда.

Европейский Суд напомнил, что "различие между лишением свободы и ограничением свободы является лишь различием степени или интенсивности, а не природы или сущности... Защита от произвольного задержания, закрепленная в пункте 1 статье 5 Конвенции, применяется к лишению свободы любой продолжительности, сколь бы кратковременным оно ни было" (пункт 19 постановления).

Суд отметил, что "по словам заявителя, сотрудники милиции воспрепятствовали его попытке выйти из кабинета во время допроса и велели ему оставаться внутри и ждать возвращения следователя... В своих заявлениях власти не утверждали, что заявитель мог свободно покинуть отделение милиции, по крайней мере, до того момента, пока ему не было разрешено это сделать. Кроме того, они не представили какого-либо документа, содержащего подробный отчет о произошедшем в отделении милиции во время нахождения в нем заявителя. После того как был установлен тот факт, что заявитель не мог свободно покинуть отделение милиции, вопрос о том, прибыл ли он туда добровольно или же он был туда доставлен, который также был поднят государством-ответчиком, становится непринципиальным... Тот факт, что российские власти считали, что заявитель не являлся задержанным по смыслу российского законодательства, не означает, что он не был лишен свободы в соответствии с положениями Конвенции" (пункт 20 постановления).

В данных обстоятельствах Суд посчитал установленным тот факт, что "в рамках настоящего дела имелся элемент принуждения, который, несмотря на кратковременный срок задержания, свидетельствовал о лишении свободы по смыслу пункта 1 статьи 5 Конвенции" (пункт 20 постановления).

Европейский Суд заключил, что "заявитель ответил на вопросы сотрудников милиции и повиновался их приказам... Кроме того, сторонами не оспаривается тот факт, что заявитель не являлся официально подозреваемым или обвиняемым в совершении какого-либо преступления... Совершенно очевидно, что лишение заявителя свободы... не могло быть осуществлено "с целью доставления [его] в компетентный судебный орган по обоснованному подозрению в совершении преступления" по смыслу подпункта "с" пункта 1 статьи 5 Конвенции... Следовательно, лишение свободы не имело никакой законной цели в соответствии с пунктом 1 статьи 5 Конвенции и являлось произвольным... [Б]ыло допущено нарушение пункта 1 статьи 5 Конвенции" (пункты 21 - 22 постановления).

Европейский Суд также напомнил, что "право на получение компенсации, закрепленное пунктом 5 статьи 5 Конвенции, возникает в случае установления Судом или национальными судами, прямо или по существу, нарушения одного из других четырех пунктов данной статьи" (пункт 23 постановления).

Суд пришел к выводу, что "заявитель не обладал осуществимым правом на получение компенсации за лишение его свободы, что, как было установлено, являлось нарушением статьи 5 Конвенции... Таким образом, по настоящему делу было допущено нарушение пункта 5 статьи 5 Конвенции" (пункты 24 - 25 постановления).

Заявитель также жаловался на то, что его право на справедливое судебное разбирательство в соответствии с пунктом 1 статьи 6 Конвенции было нарушено в связи с отказом национальных судов обеспечить его фактическое участие в гражданском процессе, стороной которого он являлся, в том числе - в кассационных слушаниях.

Европейский Суд отметил, что "в рамках обоих разбирательств заявитель выразил желание присутствовать на... слушании лично. Но... ему было отказано в предоставлении разрешения на личное присутствие в зале суда со ссылкой на отсутствие какой-либо правовой нормы, делающей его присутствие обязательным. Европейский Суд отверг данный подход как чрезмерно формалистический, поскольку отсутствие законодательства о присутствии заключенных на слушаниях не может являться достаточным основанием для лишения их права на личное присутствие в зале суда... Вопреки утверждению властей о том, что заявитель мог бы эффективно представить объяснения по своему делу в судах, поскольку он был надлежащим образом проинформирован о дате проведения слушаний, одного лишь информирования заявителя о сроках кассационного слушания было явно недостаточно в ситуации, когда текущее состояние национального законодательства в действительности не позволяло ему лично присутствовать в зале суда" (пункт 29 постановления).

Суд отметил, что "[в] настоящем деле суды... не проверяли, требовал ли характер соответствующих гражданских споров дачи показаний лично заявителем, и имело ли его непосредственное присутствие в зале суда существенное значение для обеспечения справедливости судебного разбирательства в целом. Таким образом, кассационный суд отказал заявителю в праве лично присутствовать на слушаниях вне зависимости от существования соответствующих разбирательства, и не известил его данным решением в достаточной мере заблаговременно" (пункт 30 постановления).

Европейский Суд также подчеркнул, что "эффективное участие заявителя в... слушаниях также могло быть обеспечено путем [имеющихся] процессуальных механизмов, таких как, например, средства видеосвязи или проведение выездного заседания... [С]уды вообще не рассматривали данные варианты, и приступили к слушанию соответствующего дела, по сути, не информируя заявителя о возможных способах компенсировать его отсутствие в зале суда. В результате заявитель не смог принять решение о дальнейшем плане действий по защите своих прав и был лишен возможности эффективно представить свои объяснения по делу в... судах, в нарушение статьи 6 Конвенции" (пункт 31 постановления).

Суд пришел к выводу, что "отказав заявителю на основании недостатков отечественного законодательства в предоставлении возможности присутствовать на кассационных слушаниях в рамках гражданского процесса, стороной которого он являлся, и не став рассматривать соответствующие процессуальные механизмы, позволявшие обеспечить заслушивание доводов заявителя, национальные суды не выполнили свои обязательства по обеспечению соблюдения принципа справедливого судебного разбирательства, закрепленного в статье 6 Конвенции... Следовательно, по настоящему делу было допущено нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции" (пункты 32 - 33 постановления).

Заявитель также жаловался, ссылаясь на пункт 1 статьи 6 Конвенции и статьи 1 Протокола N 1 к Конвенции, на чрезмерную длительность исполнения решения районного суда.

Европейский Суд установил, что "[в]ласти не оспаривали тот факт, что несвоевременное исполнение судебного решения... было несовместимым с нормами Конвенции" (пункт 36 постановления).

Таким образом, Суд пришел к выводу, что "неисполнение национальными властями судебного решения, вынесенного в пользу заявителя помешало ему получить денежные средства, право на получение которых он имел в соответствии с окончательным и обязательным для исполнения судебным решением. Соответственно, по настоящему делу было допущено нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции и статьи 1 Протокола N 1 в связи с несвоевременным исполнением судебного решения" (пункты 37 - 38 постановления).

См., также, вышеприведенное постановление Европейского Суда по жалобе N 78774/13 "Топехин против России" (вынесено 10 мая 2016 г., вступило в силу 17 октября 2016 г.), которым, в том числе, отклонена жалоба Топехина В.А. на нарушение пункта 3 статьи 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (далее - Конвенция) в связи с якобы имевшим место необоснованно длительным содержанием его под стражей.

Вместе с тем, установлено нарушение пункта 4 статьи 5 Конвенции - в связи с ненадлежащим рассмотрением городским судом жалоб заявителя на постановления о заключении его под стражу.

В Верховный Суд Российской Федерации также поступил ряд постановлений Европейского Суда по правам человека, содержащих констатацию нарушения Российской Федерацией положений пунктов 3 и 4 статьи 5 Конвенции в части нарушения права лица на разумные сроки нахождения под стражей в ожидании приговора суда, а также в связи с чрезмерно длительным рассмотрением жалоб на постановления об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, а также о продлении срока содержания под стражей.

Постановления по жалобам N 3400/06, 1134/12, 27903/12, 15155/13, 1454/14, 43335/14, 43527/14, 60371/14, 68060/14, 36550/15, 39181/15, 41633/15 и 51162/15 "Клепиков и другие против России" (вынесено и вступило в силу 24 ноября 2016 г.), N 611/15 и 6 других "Сарбахтин и другие против России" (вынесено и вступило в силу 4 мая 2017 г.), N 5403/07, 12097/09, 52460/13, 54286/13, 60823/13, 6503/14 "Маевский и другие против России" (вынесено и вступило в силу 24 ноября 2016 г.), N 69863/13 "Давляшова против России" (вынесено и вступило в силу 18 октября 2016 г.), N 28484/06, 4613/09, 29899/09, 20064/13, 23850/13, 69323/13 и 76881/13 "Кирильчук и другие против России" (вынесено и вступило в силу 3 ноября 2016 г.), N 24967/06, 13708/08, 43584/11, 2906/14, 68255/14, 72879/14 и 77966/14 "Девятов и другие против России" (вынесено и вступило в силу 20 декабря 2016 г.), N 72986/10, 5441/11, 21051/11, 32021/14 и 40987/14 "Хамзин и другие против России" (вынесено и вступило в силу 6 октября 2016 г.), N 39399/08, 39554/08, 45510/09, 21744/10 и 23272/16 "Котов и другие против России" (вынесено и вступило в силу 16 февраля 2017 г.), N 50483/07, 21974/09, 53102/10, 66061/13 и 8351/15 "Федоров и другие против России" (вынесено и вступило в силу 16 февраля 2017 г.), N 6116/10, 53833/10, 1164/15, 1405/15, 10164/15 и 42708/15 "Носенко и другие против России" (вынесено и вступило в силу 6 апреля 2017 г.), N 32357/05, 49012/13, 42110/15, 1827/16, 8773/16, 16417/16 "Вихарев и другие против России" (вынесено и вступило в силу 16 февраля 2017 г.), N 51182/10 и 5 других "Джабаров и другие против России" (вынесено и вступило в силу 2 февраля 2017 г.).

Тексты приведенных документов, принятых договорными органами ООН, находятся по адресу:

<http://www.ohchr.org/EN/HRBodies/Pages/TreatyBodies.aspx>.

Неофициальные переводы текстов постановлений Европейского Суда по правам человека получены из Аппарата Уполномоченного Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека - заместителя Министра юстиции Российской Федерации.